

Редин Игорь

Синий роман

paу.tina 4 ThorRedin

Игорь Редин

Синий роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22620560

Аннотация

Они последние представители некогда могущественной, но затерянной в песках времени, цивилизации синероссов. Мужчина и женщина. Он и она. Она открыла ему глаза на, казалось бы, необъяснимые метаморфозы, точно дождь слепого кутенка, преследующие его. Он, сам того не желая, научил её писать письма и не верить людям. Он горбун. Несчастный, но гордый. Она Женщина. Просто женщина...

Для чего нужны вступления? Ну, скажем, для того чтобы читатель плавно, без видимого ущерба для своего здоровья смог вникнуть в простоту хитросплетений сюжетной линии, обрамлённой канвой лирических отступлений. Или же, наоборот, для введения одного в частичное, а лучше, в полное заблуждение, и тогда удачная концовка практически обеспечена.

А вот необходимость вступления к вступлению для меня до сих пор остаётся крайне сомнительным действием, а посему, всё написанное выше вы смело можете не читать. Что, уже? Тогда просто забудьте.

Пролог зелёной формы комнатного цвета.

В мире столько интересного. И не выходя из дома.

В жёлтых журналах, посредством почты почти всегда всемогущей, зелёные формы комнатного цвета навсегда завладели политической ареной мира. Одного чуть не свергли, другой переспал с королевой Елизаветой, а принц Уэльский, что держит в кандалах своей памяти великие рифмы востока, вообще инопланетянин.

– Давай куда-нибудь сходим, – скука – вещь малоприятная, – чего-нибудь выпьем.

– Я пас, – весело отказал мне Алик, – мне надо с балконом разобраться.

– Твой балкон, как хит прошлого лета, – посетовал я.

Придётся напиться в гордом одиночестве.

Мусор с ангельской улыбкой на лице – другие части тела были суровы – прохаживался по карнизу здания местной муниципалитета. Зачем он это делал, непонятно, но видно его было очень хорошо. Вот было бы здорово, если бы он оттуда упал. Сам бы не мучился и других не доставал. А благодарные потомки спустя столетия несут и несут на вечно мокрое место трагического падения охапки полевых ромашек и одинокую черную розу «Наринэ». О вечности не хочется. О сиюминутном не стоит.

Далее, как в кино: задний план, на карнизе которого рисковано развлекается «человек в красной шапке», теряет резкость и пропадает в тумане кинематографической реальности. Контрабас начинает – едва е4 – и выигрывает сложное и очень вкусное соло. Постепенно, обретая чёткость, в кадре вместе с гитарным септаккордом, появляется небольшой стол. На нём из ничего возникает белая чашка. Из неё пронзительным – «я хочу спать» – хрипом саксофона поднимается в небеса терпкий кофейный аромат. Прямо к богу. Рядом с чашкой ждёт своей незавидной участи чистая пепельница. Она не знает, что в течение ближайших двух часов останется без работы. Ей не позволят издать ни одного звука. Нет, в её профессиональных качествах никто не сомневается. Просто курят не все.

Эхом отозвалось фортепиано. Ждать барабанов пришлось

не долго. И вот привлекательная и немного загадочная молодая женщина сидит за столом и, глядя в какой-то нерусский журнал, ожидает, когда остынет кофе. Ветер захватил в плен волну солнечных волос и дождливой боссановой лета прогнал её по непослушной гамме осени. Саксофон, освоившись и оттого немного заскучав в небесах, горемычным пьяницей ринулся в пустоту, но...

– Стоп! – закричал режиссёр, – Не верю! – Станиславский отдыхает. – Где сценарист? Кто писал эту ахиною? – он выпил стакан мятного молока и запил его водкой, – Скажите мне на милость: кто видел, чтобы наши дамы, сидя в баре, читали какие-то иностранные журналы, пили только кофе и при этом ещё и не курили?

– Я.

– Что «я»? – он взглядом обнюхал помещение в поисках владельца последней буквы алфавита и уткнулся в меня.

– Я видел, как наши дамы, сидя в баре, читали какие-то иностранные журналы, пили только кофе и при этом ещё и не курили. По крайней мере, одна из них.

Я многозначительно посмотрел на незнакомку. Она ответила мне благодарной улыбкой.

– А ты кто, твою мать, такой? – вежливо поинтересовался режиссёр.

– Кто-кто. Конь в кимоно, – говорить ему, что я тот самый сценарист, я побоялся.

– А почему в кимоно? – раньше он видел коней исключи-

тельно в пальто.

– Нетрудно догадаться. Потому что я – конь японский.

Мимо нас, самурайским вихрем на танке пронёсся якудза, угрожая присутствующим трёхсторонним хайку.

Я был зол на новоиспечённого – подгорелая корочка – геня режиссуры за то, что он не дал мне услышать великого грехопадения саксофона. Теперь же хрип превратился в храп, и ничто его в этом несовершенном мире не разбудит. Песню оборвали, и на душе стало гадко.

Солнце, словно пыль на росу, село на горизонт и упало. По ту сторону. Давно это было. Лет сто прошло.

Я возвращался домой. Небо тяжестью всех пяти звёзд давило мне на голову. Я шёл по пустому городу и плакал.

Скупая мужская слёза. О! Это отдельная история. Если мужчина плачет, значит, у него есть веские причины. Вот, скажем, коньяк – причина веская. Я икал и плакал, потому что знал: в моём холодильнике нет креветок. Полцарства за креветку.

«В пьянке замечен не был, но по утрам жадно пил холодную воду», – вот наиболее чёткая характеристика того, что касается творчества Омара Хайяма. Зелёные формы комнатного цвета его рубайята растворились в песнях БГ, как «Титаник» в водах безбрежного океана. Как его не мой, не мой немой не заговорит. Сестра Хаос поселилась...

она просто поселилась и живёт, как котёнок под дощатым настилом на работе у Алика. Его, посчитав, что на этом вся

любовь, бросила мать, а он орёт, как резаный. Кушать-то хочется.

Далее тургеневским слогом было написано о том, что Алик, желая уберечь маленький пушистый комочек жизни от голодной смерти, принёс его домой и щедро накормил. Котёнок ожил. Стал играть. Наигравшись, уснул. Уснул и не проснулся. Щедрость стала смертью.

Когда я стал кричать на свою кошку, Алик меня не понял:

– Ты чего это?

– Достала, – я выключил телевизор и включил радио, – ладно бы просила жрать, а то ведь просто так орёт. Для поддержки разговора.

– А причём здесь БГ? – и действительно, причём тут он? Он добавил картошку и лук и поставил аквариум на огонь. Но коль вопрос задан – хочешь, не хочешь – приходится отвечать:

– Я-то думал, что он выдохся. Устал, – «в каникулы мы едем на Ямайку», – а его сестра, переходя эту реку вброд, посеяла в моей башке хаос.

Песня закончилась, и на душе стало тихо. Китайская инквизиция кухонного крана – кап, кап – прекратила измываться над нервами грязной посуды. Я замолчал. Звучала только тишина. И секунду спустя, мы, словно сговорившись, хором: «Тихий ангел пролетел», – это Алик, а я: «Мент родился», из чего следует: мент и ангел – синонимы.

Мусор с ангельской улыбкой на лице – другие части тела

были суровы – прохаживался по карнизу здания местного муниципалитета.

О вечности не хочется,
О сиюминутном не стоит.
Глядя на то, как собака мочится,
Дикий мент наркомана доит.
А на том берегу незабудки
Не забудут никак об электрике -
О великом китайском эксцентрике.

Рыжий пёс проживает в будке,
В небе синем летает птица,
Продаёт огурцы продавщица,
На телебашню влезла высотница
Для того чтоб с неё помочиться.
Просто так. Потому что хочется.
Лучше нет красоты,
Чем, пардон, с высоты.
И жрица монтажа об этом знает,
Но орошает город только летом,
Поскольку только летом не летает
Дельфин зелёной формы комнатного цвета.

Впрочем, где-то это уже было.

Добрая сказка.

Интересно, что делать, когда в голову ничего не лезет? Может быть, попытаться написать детектив? Они вроде бы неплохо продаются. Чтобы кровь текла рекою, и в крутом, интригующем сюжете были замешаны деньги, наркотики, проститутки и любовь. Всё это, конечно, здорово, однако меня этот наборчик не вдохновляет. Даже любовь в обрамлении вышеперечисленного списка не вставляет. А ужасник? По-моему, ужасное чтиво сейчас пользуется популярностью... Чтобы кровь в нём текла рекою и в жутком, леденящем душу, повествовании были замешаны деньги, наркотики, проститутки и любовь. Ужасник – это хорошо, но, откровенно говоря, что-то на ужасы у меня тоже не стоит. Остаётся одно – написать сказку. И не просто сказку, а добрую. И для наличия интриги, сделать так, чтобы кровь в ней текла рекою, и... деньги, наркотики, проститутки и любовь.

Я, конечно, мог бы смеха для и забавы ради написать, что он был наркоманом, а она девушкой по вызову. Но любовь, объединив их сердца, вырвала их из лап пагубных пристрастий. На радостях они посетили казино, где выиграли баснословную сумму денег. Уехали из этой страшной страны и стали жить-поживать, да добра наживать. А что до рек крови, то можно отметить одну пикантную подробность: раз в месяц она страдала изрядно обильными выделениями. И всё. Сказка готова. Можно, довольно потирая руки, идти пить своё время. Но это как-то несерьёзно. А жанр сказки предусмат-

ривает всё – буквально всё – от искромётного юмора до трагической случайности. Всё, кроме несерьёзности. И посему мы, со всей обстоятельностью отнесёмся к сказке и приступим к написанию оной.

Город, убаюканный усталой колыбельной, спал. И жители его, утомлённые маршем повседневных забот и дел, тоже спали. Им снились хорошие добрые сны. Городу и его жителям. Город был небольшим и чистым. Стоял он на берегу моря.

Из моря появился человек и, походкой, присущей сразу тридцати трём богатырям, принялся выходить из пучины вод. Где тридцать три богатыря, там и пучина. Одет человек был в гидрокостюм, и за его спиной можно было разглядеть акваланг. Кто он – ночной незнакомец, – и что делает в столь поздний час в море? Ну, что ж. Ответ на этот вопрос мне известен. Это местный и единственный в городе водолаз дядя Вася. А вот о том, что позабыл он ночью в море, мы для создания интриги умолчим или, может быть, никогда не узнаем.

Дядя Вася – это огромный пятидесятилетний добряк. Однако же не дай вам Господь попасться ему под горячую руку. Здоровья в нём было немерено, и рука его была тяжела.

Жил он в небольшом уютном домике, приютившемся на самом берегу моря. Жёну дядя Вася похоронил. Её забрало у него море.

Однако не всё так плохо. Боль утраты скрашивала ему дочь. И была она не просто послушным и добрым ребёнком. Она у него была красавица. Длинные стройные ноги. Высокая грудь. Талия – предмет зависти почти всех женщин городка, конечно, из тех, кто ещё думал о таких мелочах, как внешность. Красивые плечи и симпатичное озорное лицо с родинкой у краешка рта. Мне бы хотелось написать: «лицо, в обрамлении длинных, золотистых волос», но волосы её были черны, как смоль и к тому же коротко острижены.

Короче говоря, была дочка дяди Васи предметом ночных фантазий и поллюций ни одного пацана солнечного города. Зная, что по ней тайно вздыхают почти все мальчишки, она носилась от дома к пристани и обратно в короткой отцовской тельняшке. Ходили слухи, что под тельником ничего нет. Но это вздор. Я сам как-то случайно видел голубой шёлк её нескромных, но всё-таки трусиков.

Звали её Ивана. Ей было семнадцать. И была у неё мечта. Нет, Ивана была человеком практичным. Звёзд с неба не хватала и о принце на золотом коне не мечтала. Знаю, знаю, что не на золотом, а на белом. Не мешай. На золотом-то покруче будет. Принца ей заменял папа. Так уж повелось с детства, и отец являл для неё воплощение доброты и справедливости, силы и отваги, короче говоря, мужественности, и поэтому умудрялся заменять в её неглупой головке всех мужчин сразу.

Мечтала Ивана о большом городе. Москве, Питере или...

Нет. Свой городок Ивана любила и уехать из него хотела не потому, что он ей надоел. Манил её ветер свободы большого города. Ну, как ветер? Сквозняк.

А пока она по-прежнему носила в коротком тельнике – полоска чёрная, полоска белая – отцу на пристань обеда. И местные пацаны тяжело вздыхали, глядя на красивые загорелые ноги и упругую грудь под тельняшкой.

Иногда она купалась. О! Это отдельная история и за это можно брать деньги. Она просто снимала старенькую, но всегда чистую тельняшку. Оставаясь топлес, не спеша подходила к краю пирса и, немного постояв, прыгала в воду. Она любила море, и море любило её. Плавала она великолепно. Заплывала далеко-далеко и подолгу лежала на воде, разглядывая в небе вечно молодые облака. Затем возвращалась и медленно выходила из воды. Афродита. Красивая и недоступная. Как же жалело мужское население городка, что случилось это не так часто, как хотелось бы.

Дяде Васе не нравилось, что его девочка дразнила мужиков. Но он молчал. Его ребёнок уже достаточно взрослый для того, чтобы поступать так, как считает нужным.

Так они и жили, проводя лето в приятных заботах, а зиму коротая у камина, который дядя Вася поставил сам. Он вообще был мастером на все руки. Зимой с работой в городе было туго, но заработанных за лето денег хватало для того, чтобы, в общем-то, безбедно переждать мёртвое время года.

Иногда они читали. Ивана всё подряд, но чаще книги на

каком-то странном языке по синей магии – они достались ей в наследство от бабки по материнской линии. А дядя Вася – газеты. Ему было совершенно не важно, какую именно газету он читает – свежую или пятилетней выдержки. К периодике он относился с благоговейным трепетом.

А иногда дядя Вася, сидя в кресле-качалке и раскурив трубку, рассказывал своей дочери морские байки, которых он знал несметное множество.

Рассказчик он был неплохой, а посему, давайте и мы послушаем одну из них.

Ну, что? Дядя Вася, мы расселись. Можно начинать. Итак:

Байка о Дельфине и скале «Парус», рассказанная дядей Васей в один из зимних вечеров дочери своей Иване.

«Случилось это давно. В пору, когда люди были честны и бесхитростны, и всего одно неловко оброненное слово могло послужить причиной для смертельного оскорбления. Судов тогда, моя девочка, не было, и правосудие вершилось просто». Иване не нравилось, когда отец называл её "моей девочкой", но, не желая перебивать его в самом начале, она промолчала. «Если ты не прав – отвечай за это. Нередко люди, отвечая за свои ошибки, расставались с жизнью.

Именно в это суровое, но честное время жил человек по имени Ял. Ял был моряком. И надо отдать ему должное, моряком он был отменным. Нередко он выходил в море тогда,

когда остальные за всё золото мира не соглашались этого сделать. «Жизнь дороже», – так они говорили. А он выходил и возвращался. Целый, невредимый и богатый.

Как-то раз к нему подошёл странный такой тип. Одетый в чёрное и в широкополой такой шляпе, как у Д'Артаньяна, надвинутой на самые уши и предложил одно выгодное дело. К тому же, идти-то было всего ничего. До Херсонеса и обратно. Ял согласился, но обещанное вознаграждение потребовал вперёд.

В утро перед отходом судна сама природа, казалось, воспротивилась этому. И волны были, как никогда, велики, а ветер был настолько сильным, что, как пух валил огромные деревья. Однако в бухте было относительно спокойно, и Ял решил выйти в море. Я не знаю, что там и как, но, как только он покинул пределы бухты и с успехом преодолел пять гигантских волн, и казалось, что и на этот раз он сможет выйти победителем из схватки со стихией, как на самом гребне шестой, ослепительная молния ударила в корму корабля...

Всё это с утёса наблюдал человек в чёрном, и ураган обходил его стороной. Человек стоял на утесе и, воздев руки к небу, громко и оглушительно смеялся. А корабль, тем временем, превратился в огромный чёрный парус, окаменел и стал скалой, одиноко стоящей в море.

Все матросы Яла спаслись и в один голос уверяли жителей посёлка, что в момент, когда молния ударила в корабль, Ял превратился в дельфина и уплыл в море. Может быть, всё

это неправда, но чайки, видевшие, как сатана посмеялся над человеком, заплакали. Ты до сих пор можешь слышать их плач».

– Кто это был? – спросила Ивана.

– Ты о ком? – не понял дядя Вася.

– Ну, тот тип. В чёрной шляпе.

– Говорят, что демон в человеческом обличье.

– Печальная история.

– Да уж, – ответил дядя Вася, – но поучительная.

– Ты о том, что не с каждым стоит общаться? – Ивана, выгнувшись кошкой, сладко потянулась.

– Да. И ещё о том, что не всякие деньги стоит брать.

– А говорят, что деньги не пахнут.

– Правильно, девочка моя.

Дядя Вася знал, что девочка его становится маленькой злючкой, когда слышит это. Когда она злилась, она так сильно была похожа на мать. Со дня смерти его жены прошло девять лет, семь месяцев и три дня. Дядя Вася был однолюбом.

– Ну, папа!

– Ладно, ладно, не буду, – пошел на попятную тот и добавил, – девочка моя.

Следующее лето мало чем отличалось от предыдущих. Только воздыхатели Иваны со слюной изо рта наблюдали, что грудь её стала ещё пышнее, ноги стройней и длиннее,

а сама она начинала приобретать помимо красоты, то, что принято называть шармом.

Наверное, это случилось, оттого что дочь дяди Васи сменила отцовский тельник на мамино платье, которое было настолько лёгким, что при малейшем дуновении ветерка, стайкой проворных белых птиц вздымалось вверх, открывая зевакам её ноги. Да и декольте у платья было, мягко выражаясь, рискованным. В остальном же всё оставалось по-прежнему. И обеды, которые она носила отцу на пристань, и не частые её купания с открытой грудью, и толпа зевак.

Как-то раз, под вечер, Ивана влетела домой и с порога выпалила отцу, под чаёк мусолившему позавчерашнюю газету:

– Я его видела.

– Кого? – не понял дядя Вася, но, на всякий случай, снял с носа очки, годившиеся только для чтения.

– Яла, – она, не находя себе места, пантерой в клетке металась по комнате.

– Какого Яла?

Бедный дядя Вася. Он и не подозревал, что одна из его многочисленных сказок могла вскружить девчонке голову.

– Ну, как же? – недоумевала та. – Помнишь, ты зимой рассказывал мне историю о моряке, над которым посмеялся дьявол?

– Ах, эту? Только это не история, а байка, – он никогда ещё не видел свою дочь столь возбуждённой и не на шутку забеспокоился, – и от истории, малыш, она отличается тем,

что от первого до последнего слова выдуманна. Проще говоря, всё это враки, – будешь чай?

– Нет, – отрезала Ивана.

– Ну, тогда иди спать. Поздно уже, – сказал дядя Вася, надеясь на то, что к утру шторм девичьего воображения поухнет, и всё вновь станет на круги своя.

Однако на следующее утро он обнаружил, что шторм не только не стих, но, продолжая бушевать, забрал его сокровище – его маленькую девочку – в неизвестном направлении. По истечении суток он заявил о пропаже в милицию. Там делали всё, что могли, но пути их были тщетны.

Так и закончилась наша сказка. И прости мне, читатель, что не текла в ней кровь рекою, и не были замешаны в ней деньги, наркотики, проститутки и любовь.

Что же касемо ночных вылазок в море дяди Васи, то объясняется всё это довольно просто. Любил он под водой... с аквалангом. По ночам особенно.

А Ивана? Кто знает, где она сейчас? Возможно, ходит по улицам, поражая своей красотой, огни большого города, а может, плавает в море в обществе гордого и красивого дельфина Яла.

Ивана.

Что за идиотская привычка – подавать по утрам чай в по-

стель?

Она приоткрыла дверь в комнату и робко заглянула, как будто хозяин здесь я, а не она. Потом исчезла для того, чтобы появиться вновь с чаем и огромным куском чёрного шоколада в руках.

Она, отнюдь, не из тех, кого принято звать неотразимыми. Простая, вполне доступная молодая женщина. Даже очень молодая. Но, как это нередко случается, описать её просто невозможно. Ты когда-нибудь видел красивых женщин? Согласись, не смотря на красоту, там всё предельно просто. Я тебе рисую примерный портрет, и у тебя в голове возникает штамп – готовый обобщённый образ. А детали – это дело вкуса. Собственного, порой извращённого понятия. Тут же и зацепиться-то не за что. Разве что родинка у краешка рта. Довольно заметная, и то, не помню с какой стороны.

Осторожно дотронувшись до моего плеча, попыталась меня разбудить, словно не хотела делать чего-то подобного, но некто невидимый побуждал её к этому. Мне ничего не оставалось, и я открыл глаза. Плоть моя покинула мир иной и уже несколько секунд пребывает в мире этом, о чём свидетельствует тяжёлая головная боль.

– Сколько уже?

– Десять. Вставай. За мной сейчас должны зайти.

Ну, что мне до них, и до того, что сейчас за ней кто-то зайдёт? Впрочем, я не без благодарности принимаю два протя-

нутых мне блюдца. На одном чашка с горячим чаем, на другом маленькая скала чёрного шоколада. Всё-таки, вчерашний вечер даёт о себе знать. Мне неловко, почти стыдно, но я не смог удержать в руках сие изобилие. Скала чуть не выпрыгнула на постель, и я не полил её чаем лишь потому, что у меня всё это вовремя отобрали.

Что за идиотская привычка: подавать чай в постель, да ещё с шоколадом, и, тем более, мне? На этот необдуманый шаг способен только незнающий меня человек.

Если я просыпаюсь в чужой квартире, значит, вчера вечером я проводил время не в библиотеке.

Полдень и дождь. Летом это большая редкость, и поэтому, пользуясь случаем, я иду под дождём с настроением ребёнка, которому позволили усесться в лужу. Он сидит в ней, шлёпает от радости руками, и ничто его больше не интересует. Я бы тоже уселся, но боюсь, прохожие, которых этот ливень не загнал в укрытие, неправильно меня поймут. Или того хуже, тоже плюхнутся рядом со мной. А эта перспектива меня не устраивает. Предпочитаю одиночество. Дождь и одиночество – для меня это синонимы.

На стоянке такси масса зелёных огоньков предлагала свои услуги. На скамейке, рядом со стоянкой, одинокий силуэт, отданный дождю. Это женщина. Лёгкое платье промокло и прилипло к телу, выгодно подчёркивая совершенство её фи-

гуры. Хотя в тот момент ей, как мне показалось, было не до поз, и дождь не вызывал у неё тех радужных ощущений, какие распирали меня. И всё же он сделал её прекрасной. Мокрые волосы спадали на плечи. Глубокое декольте, благодаря дождю, практически исчезло, и от этого её высокая грудь, казалось, была обнажена, а под длинным подолом платья легко угадывались стройные ноги. Впрочем, всё это напоминало ужасно банальную картинку кисти свободных художников.

Она почувствовала мой взгляд. Отведя от глаз прядь волос, посмотрела. Чтобы как-то избавиться от этой неловкой ситуации, я не придумал ничего лучшего, чем заговорить с ней:

– По-моему, Вам наплевать на дождь, но Вам холодно.

– Да.

Пойди, разбери, что означает это «да», к тому же лицо её приняло довольно независимое выражение. Но отступить уже поздно, да и некуда.

– Тогда, почему бы нам ни согреться чашкой кофе? К тому же я тоже вроде бы не сухой.

– В Ялте нет хорошего кофе.

– В Ялте есть хороший кофе. Просто Вы не знаете, где его искать.

Усмехнувшись, она одарила меня многозначительным взглядом:

– Ну, и где же?

Да, хотя бы у меня. Масса зелёных огоньков предлагала свои услуги.

Бардак, что называется, классический. Это я о своей ко-нуре. Вчера тут развлекался Алик. Похоже, они неплохо по-кувыркались, и, в знак благодарности, радость уборки оста-вили мне. А чтобы от нахлынувшего счастья я не скакал по квартире, как породистый жеребец, они забыли в холодиль-нике почти полную бутылку отравы, именуемую коньяком.

Алик. Он большой любитель «Двина» и длинноногих де-вочек, и, несмотря на то, что хорошие девчонки в Ялте кон-чились, он всё-таки умудряется их находить и, причём, такие экземпляры, что мне и не снились. Боже, ему почти трид-цать, а он ведёт себя, как семнадцатилетний пацан. Навер-ное, именно этим он и берёт своих собеседниц. Интересно, как бы восприняла его моя новая знакомая?

– Ванная тут. Сегодня довольно удачный день, – пробур-чал я, подавая ей полотенце и большой серый свитер. Самый большой, который нашелся в моём гардеробе.

– Что ты имеешь в виду?

Ну, вот. Мы уже на "ты". Впрочем, я не утруждаю себя ответом. Чего ради? В ванной зашумела вода, и она всё равно не сможет меня услышать.

Воспользовавшись паузой, я начинаю шататься по квар-тире, делая вид, что пытаюсь навести порядок.

Я успел заправить кровать, вымыть пепельницу, плюх-

нуться в старое кресло, укрытое бабушкиным пледом и закурить. Как там поёт Майк? «Я одиноко курю, пускаю кольцами дым, я уже не жду перемен...» Всё верно. Только, в отличие от героя его песни, я жду перемен. По крайней мере, сегодня. Да и колец пускать не умею.

Она появилась неожиданно. По-моему, свитер всё-таки немного коротковат, потому что её ноги... Далее должна последовать тирада лестных эпитетов в адрес её ног, но, чтобы этого не делать, я встаю и, ничего не говоря, иду на кухню готовить кофе, оставив свою гостью в некотором недоумении. Что это? Полное безразличие к женщинам, или импотенция? Ни то и ни другое. Просто я обещал своей собеседнице кофе.

Вообще-то я глубоко убеждён, что всякий истинный любитель кофе должен готовить его сам. Правда, я доверяю эту процедуру Алику. И не то чтобы кофе, приготовленный рукой Алика, мне нравился больше, чем мой. Нет. Всё гораздо проще. Просто мать-лень родилась раньше нас, и я – один из её сыновей. Однако Алика тут нет, и я, с чувством собственного достоинства, готовлю кофе сам, хотя особого удовлетворения от этого не испытываю.

Пока я возился на кухне, из комнаты не донеслось ни единого звука. В комнате тихо. Даже как-то неловко нарушать это спокойствие шлёпаньем своих домашних тапочек. Но ничего не попишешь. Я обещал своей гостье кофе.

Она по-кошачьи устроилась в моём любимом кресле, по-

добрав под себя упругие обнажённые ноги и, видимо, о чём-то думала, потому что совершенно не заметила моего появления. Её взгляд блуждал по полкам книжного шкафа, а пальцы разминали неприкуренную сигарету.

– Кофе, – кажется, я разбудил её. – Ты о чём-то думала?

Пока я разливал кофе в чашки, она молчала, и лишь сделав глоток, задумчиво произнесла:

– Ты когда-нибудь видел, как ночью падают листья?

Нет. Картин ночного листопада я не наблюдал. Но я видел двойственность радуг в день гибели цыгана. Была осень. Дул отличнейший ветер, но был шторм. Он был мастером виндсёрфинга и любил ветер, но не смог справиться с волной. Хотя, зачем ей такие подробности?

На выручку пришёл Алик. Вернее, не Алик, а та бутылка, которую он оставил в холодильнике. Коньяк. Три звёздочки. Армяшечка.

Тепло овладевает телом. Напиток явно располагает к более непринуждённому общению и, видимо, способствует восстановлению памяти, потому что, опорожнив вторую порцию и сладко затянувшись, я вдруг вспомнил, что до сих пор не знаю имени своей собеседницы.

Она звонко рассмеялась. Так могут смеяться только добрые, искренние люди. Их смех заразителен и добродушен. Их веселье неподдельно. Они радуются вашим удачам, забывая о своих поражениях. Они как-то очень по-доброму смеются над собой и над всеми. Они чисты, как родниковая во-

да.

Внезапный приступ веселья кое-как стих, и, утомившись, она нарочито официально представилась: «Ивана», – после чего вопросительно посмотрела на меня. Мне ничего не оставалось, и я выдал ей информацию относительно своего «звучного» имени. Она улыбнулась, но промолчала. А я подумал о том, что появился серьёзный повод ещё раз испытать качество продукции Ереванского коньячного завода.

А за окном дождь, и уже давно перевалило за полдень. Как незаметно бежит время. Ещё вчера этого не наблюдалось, и виной тому, я полагаю, совсем не коньяк. Она, скрестив руки за головой, откинулась на спинку кресла. Похоже, она знает себе цену, но она действительно хороша, особенно в этом скупом наряде: серая шерсть старого свитера на голое тело. Ивана встаёт и подходит к окну.

За окном довольно выразительный пейзаж. Правда, сейчас он окутан пеленой дождя и, кроме моря и размытых очертаний Поликуровского холма, ничего не видно. Тонкими змейками вода стекает по стеклу с той стороны окна, рисуя на нём банальные картины печали и напоминая о музыке Montgomery.

Ивана стоит ко мне спиной и пытается повторить путь одной из капель, ведя пальцем по стеклу.

Начинает смеркаться. Скоро вечер. Вечера я пытаюсь проводить вне дома, чтобы не утруждать себя всевозможными приготовлениями к ужину. Тем более что ужинать в

одинокостью скучно. Но сегодня я не один, и если сказать об этом Алику, он не поверит, но всё же я решаюсь на этот скорбный шаг и набираю его номер телефона. Три, один, пять, один... Впрочем, это не важно. Я коротко пытаюсь изложить суть вещей относительно сегодняшнего вечера. Чего доброго, ещё припрётся сюда со своей очередной партнёршей по танго. Или как он их там величает?

За телефонной болтовнёй я, видимо, отвлёкся от основного объекта своих наблюдений, потому что не заметил, как этот объект освободился от серой шерсти старого свитера. Сделав несколько шагов в мою сторону, она остановилась. Прерванный разговор повис на телефонных проводах. Подошла. Близко. Очень близко. Лён её волос стелился по моей подушке. Мне бы хотелось, чтобы эта ночь не кончалась или хотя бы была полярной.

Проснулся рано. Солнце самым бесстыжим образом мешало сосредоточиться на том, что мы обычно называем сном. Самочувствие, как это не странно, вполне приемлемо, но что-то гнетёт. Рядом со мной никого нет. Странно. В преддверии ночи, впрочем, как и самой ночью, нас было двое. У соседа за стеной, опять играет «Анна». И, что он нашёл в их музыке? Под звуки соседской «Анны», я пью сладкий холодный кофе и разглядываю серое пятно на потолке.

Похоже на то, что она ушла.

От вчерашнего дождя остались только воспоминания. Я весь день просидел дома и лишь к вечеру выбрался к морю. Море, так же как и время, отлично лечит душевные раны. Правда, я не стал бы говорить, что это рана, скорее ссадина – не то, что бы больно, просто неприятно. Да и пройдёт вскоре.

Ты заставляешь читать меня это ещё и ещё раз. Я пробегаю взглядом строчки, перелистываю страницы, но не понимаю, зачем мне это нужно. В течение пятнадцати минут это уже третья сигарета. Слушай, от такой любви одни растраты – никакой экономии. Снова и снова я беру в руки листки изнасилованные старой печатной машинкой и пожираю глазами буквы в надежде поймать новый, неизвестный ранее мне смысл, наделяя каждое слово тобой, уподобляя тебе содержание того, над чем я мучился более года назад. Мне кажется, что я выучил уже всё это наизусть.

Я хорошо знаю, что будет утром. Я знаю, что вечером ко мне опять придет желание повеситься. Я знаю, что смогу уснуть только после третьей сигареты. Все это я знаю так же хорошо, как и содержание этого злополучного рассказа. Но тебя нет. Я тебя только придумал и сам себе не даю покоя, потому что говорю: ты – это ты.

Но только где ты? Где тебя искать? Я искал тебя на конце сигареты, которую, не докурив, ты оставила в пепельнице и ушла раньше, чем я подумал о тебе. Господи, всего-то три ноты, и откуда ты взяла, что имеешь право на

существование в моем мозгу, если я не позволяю этого даже себе. Так не бывает. Изъеденный любовью мозг хочет, требует тебя, но тебя нет, именно поэтому ты есть. Понимаешь? Послушай, это очень просто – быть именно тогда, когда тебя нет (по крайней мере, во мне), потому что, существуя в реальности, ты перестанешь меня интересоваться, а значит, выйдешь из меня, даже не оставив недокуренной сигареты. Поверь, это просто. В этом даже не надо разбираться. Помнишь, когда мы сидели у тебя на кухне, я говорил, что ты нужна мне? Не верь. Мне нужно верить, но нельзя. Я не лгал тебе и не лгу, но это не повод для того, чтобы можно было мне верить.

Боль – это только искушение – желание избавиться от нее. Но, избавляясь, я боюсь лишиться того, что называю памятью. Почему, перемещаясь в пространстве, мы перемещаемся во времени только в том направлении, что зовется будущим, и никогда не можем вернуться в прошлое? В своей нереальности ты реальна настолько, что я могу прийти к тебе в прошлое, в будущее, но не в настоящее, потому что ты можешь войти только в мое прошлое, игнорируя настоящее и совершенно ничего не зная о моем будущем. Я неинтересен – знаю. Именно поэтому ты живешь во мне и не существуешь в реальности. В противном случае тебя не было бы нигде – ни во мне, ни в реальности.

Как это странно и просто – тебя нет, и поэтому ты есть.

Первое время я искал её, шатаюсь по барам, дискотекам и ресторанам. Но тщетно.

Наверное, я был болен, потому что в один из вечеров, зайдя ко мне с двумя литрами конины и тремя куклами с ногами от ушей, Алик сказал, что будет меня лечить.

Продолжалось это не долго, и я успокоился так же быстро, как и загорелся. Всё стало на свои места. Я знал, это неизбежность, и я всё равно увижу её. Завтра или через год – какая разница? Важен конечный результат, а не то, сколько и каким образом к нему идти.

Я по-прежнему был предоставлен сам себе, и Алик по-прежнему ублажал своих партнёрш на моей кровати. Время не спешило одаривать нас щедротами неожиданностей и крутыми поворотами судьбы. Даже сосед за стеной слушал всё ту же «Анну» – музыку этих двух повёрнутых, – только пластинка была другой, и серое пятно на моём потолке стало приобретать зеленоватые оттенки.

Иногда я вспоминал о ней, но искать уже не пытался. Мы тащим крест на Голгофу и, подобно Сизифу, пыхтим и надрываемся, толкая наверх свой валун жизни. Но, в отличие от него, наш путь заканчивается на холме, и мы там непременно будем. Нас ждут. Быть может, я встречу её в садах Эдема, и ясность сознания возможно обрести только в мистике?

Я не думаю, что старая, побитая морем и временем, шхуна похожа на Ноев ковчег, а тем более на холм, где сын плотни-

ка стал Богом. Обычное, правда, несколько экстравагантное кафе под парусами. Когда-то она, рассекая морские волны и, гонимая упругим ветром, гордо называлась парусником. А теперь тут, выброшенная, но аккуратно «причёсанная», красуется у берега моря, зазывая заезжих ротозеев приобщиться к духу антиквариата и безбрежной морской романтики. Но Montgomery в этой сырости не устарел, и дедушка Богомил, войдя в этот дом, наверняка, остался бы доволен.

В кают-компании безлюдно. Если не считать обдолбленную, но мастерски танцующую девицу, меня и бармена сего заведения – Мойшу Идзевича, то в помещении никого.

Мойша Идзевич – еврей старой одесской закваски, но кофе у него всегда отменный. И он иногда угощает меня, зная, что я ценю его способности в области приготовления этого напитка.

Сегодня я не подхожу к стойке, а забиваюсь в угол, что потемней и, утопив своё тело в кресле, жду появления официанта. Сей чудотворец, почему-то напоминающий старый фрегат, появляется на горизонте незамедлительно и со скоростью звука приближается ко мне. Вместе с ним доносятся звуки рок-н-ролла. Наверное, он действительно носится со скоростью звука. Тут любят рок-н-ролл. Он почти всегда звучит здесь. Именно поэтому меня принесла сюда нелёгкая.

Заказав свою обычную дозу коньяка и чашечку кофе, я закурываю и приступаю к процедуре, именуемой ожиданием. В центре небольшого дансинга молодая особа танцует рок-

н-ролл. Она филигранно владеет своим телом, не обращая внимания ни на вновь прибывших зрителей, ни на то, что она в своём страстном танце совершенно одинока.

В сущности, вся наша жизнь ничто иное, как ожидание. Сейчас я жду кофе, потом буду ждать, когда он остынет, потом... Мы постоянно чего-то ждём. Дара любви или автобус на остановке. Какая разница? В суете дней, сами того не подозревая, в ожидании проводим всю свою жизнь. Мы просто ждём смерти. Боимся, но ждём.

Коньяк подан и выпит, кофе остывает, девочка танцует (сколько можно?), я бесцельно смотрю в чашку с кофе. Мне нравится вот так сидеть и смотреть на кофе, не преследуя совершенно никакой цели.

Официант-фрегат кружит надо мной, как стервятник. Чтобы он меня не клюнул, я заказываю себе ещё одну порцию коньяку и вновь начинаю думать о том, что жизнь и ожидание – синонимы.

В последний оплот рок-н-ролла завалилась свежая партия любителей морской романтики и горячительных напитков. Когда в помещении людей немного и тебе никто не портит настроение своим обществом, то невольно обращаешь внимание на вновь прибывших.

Ну, вот. Я же говорил, что мы встретимся. Ивана... Похоже на то, что, сама того не подозревая, она пришла ко мне. Правда, не одна, а в обществе двух мальчиков довольно внушительных размеров. Я не знаю, что там и как, но коньяк мне

не помешает, и официант появляется вовремя. Благодарно принимая от него рюмку, я опрокидываю её в себя и посылаю его за графинчиком. Меня мучает жажда. Я хочу пить.

Пока он где-то ходит, я решаюсь выйти из своего укрытия. Обдумывая некоторую неуклюжесть своего положения, я направляюсь к стойке, чтобы поздороваться со старым Мойшей. Сухо кивнув в ответ на моё приветствие, он молча подаёт мне кофе. А я думаю, как бы мне подойти к ней? И желательнее так, чтобы меня не помяли её молодчики. Не хотелось бы оказаться в объятиях этих крепышей.

– Ты когда-нибудь видел, как ночью падают листья?

Нет. Картин ночного листопада я не наблюдал. Но я молчу. Зачем ей об этом знать?

– Почему ты молчишь? Ты не хочешь спросить, почему я ушла?

– Значит, были на то причины. Оставим. Но зато я могу предложить тебе хороший кофе. К тому же идти никуда не надо, – я чуть было не сделал знак монументальному Мойше, но она вовремя заговорила:

– Ты знаешь? Мне кофе больше нравится в домашней обстановке.

– А твои мальчики? – я с неприязнью подумал о том, что драки мне, если и удастся избежать, то не в этот раз.

– Эти?! – она рассмеялась тем самым смехом, который может принадлежать только искренним и добрым людям, – это мой двоюродный брат с другом. Они затащили меня сю-

да, чтобы попить кофе, но мне кажется, что кофе – напиток домашний.

– Тогда поедем?

Я с ужасом подумал о своей конуре. Вчера там вновь побывал Алик, и побывал он там не один.

– Ко мне.

– ?!

– Я живу одна.

Осень. Я забыл сказать, что уже осень. Масса зелёных огоньков предлагала свои услуги.

Мы поменялись ролями. Теперь я сижу в кресле, наслаждаясь музыкой Grappelli, а она возится на кухне. Оказывается, она слушает хорошую музыку.

Кофе. Коньяк. Ещё кофе и ещё коньяк. Бесцельная болтовня о том, кто и как провёл этот год. Поддерживая беседу, я думаю о том, что хорошо тут. Спокойно и хорошо. Кажется, этот дом я знаю с детства, а с ней был знаком всегда. И никуда не хочется уходить. Боже! Как же давно я не чувствовал себя настолько легко и умиротворённо. Вечность, обретаемая в покое, подобна сладкому сну. Сколько прошло времени? Когда всё это началось? Неизвестно. Но точно знаешь, что не должно кончаться. Время летит так, что за ним невозможно уследить. А может быть, оно замирает, боясь помешать тиканьем своих неугомонных стрелок. И тогда часами, отмеряющими тебе положенное, становится коньяк.

С того момента, как мы переступили порог её дома, ми-

нуло бутылки на полторы. Мысль стала крайне затуманенной, но я, всё же удерживая её нить, решаюсь приступить к заключительной фазе своего визита. Ничего не говоря, раздеваюсь и заваливаюсь (хотелось бы мне написать «ложусь», но не судьба) на кровать. Меня заботливо укрывают и оставляют на некоторое время одного. Пространство розовато-серого цвета целиком владеет мыслью. Наверное, я отсюда никогда уже не выйду. Тут пахнет теплом и домом.

Она вошла в комнату и, подойдя, присела на кровать. Затем, встав, сняла с себя халат и стала причёсываться. Наверное, именно с таких великие писали свои картины. Она недолго испытывала моё терпение. Ночь. Я бы хотел, чтобы она не кончалась. Но конец, как и начало, присущ всему. Завершается ночь и наступает утро. Солнечное осеннее утро.

Она робко приоткрыла дверь и заглянула в комнату, потом исчезла, чтобы появиться вновь с чаем и огромной глыбой шоколада в руках. Дотронувшись до моего плеча, разбудила.

– Сколько сейчас?

– Вставай, уже десять. За мной сейчас должны зайти.

Ну, что мне до них и до того, что за ней сейчас кто-то припрётся. Впрочем, я не без благодарности принимаю два протянутых мне блюда. На одном чай, на другом шоколад. Что за идиотская привычка, подавать чай в постель? Я не в силах удержать в руках это изобилие. Приходится вставать, одеваться и, лишь после паузы, запачканной табачным ды-

мом, приступать к трапезе.

Ивана и в ванной,

И в ванной Ивана...

Так недолго и до высокой поэзии. Но мне это не грозит.

– Ты знаешь, я уйду часа на три. Ты посиди тут пока один, – доносится до меня из ванной вперемешку с шипением душа, – мне с подружкой нужно сходить на примерку. Если что, в холодильнике есть немного водки.

– Хорошо.

А что хорошо? Непонятно. Хотя и плохого тоже мало. Но надо же что-то отвечать.

Через сорок пять минут она была готова выйти в людские массы – эдакий неотразимый вариант манекенщицы с обложки фешенебельного французского журнала для стареющих юнцов бундес-лиги. Вихрем вломилась болтливая подружка, накормила больного человека, коим являюсь я, различными вопросами-комплиментами и, забрав её, умчалась. В комнате тихо.

Немного пошатавшись по квартире, направляюсь в коридор, беру свой плащ и выхожу на улицу. Свежий морской ветер гоняет по дороге опавшие листья и чью-то старую шляпу. Иду по улице и думаю, что я, как эта шляпа, но я не знаю, кто ветер. Зато я точно знаю, что никогда не вернусь туда, откуда только что вышел. Там есть всё. Буквально всё, что мне нужно, и больше ничего не нужно искать. Именно поэтому мне там нечего делать...

Масса зелёных огоньков предлагала свои услуги:

– Куда?

– Давай-ка, шеф, к ближайшему пивбару.

Как же давно это было.

Горбун.

Стоял один из тех погожих осенних дней, когда сок винограда прямо в гроздьях превращается в вино. В такое время приятно не спеша пройтись по усыпанной опавшей листвой Царской тропе. Хотя, нет. Лучше по набережной, там, на её лице, можно совершенно безнаказанно замечать каждую новую морщинку. Города стареют так же, как люди. Затем зайти в любимую кофейню на углу Отчаяния и Надежды, выпить хорошего испанского кофе, а после – закурить и, наблюдая за филигранной работой дворника Сергеича, отдаться прозрачному дыханию осени.

Я сидел на полу в квадрате солнца посреди кухни и, освобождая от рыжей кожуры мутант огромного мандарина, с географической тоской подмышками, думал: «Почему я видел Гоби только на карте?». Частилки пыли, не разделяя моей вселенской грусти, танцевали в снопе солнечного света своё нехитрое танго.

На развалинах моей кухни есть не только традиция в виде стола, двух табуреток, газовой плиты и вечно капающе-

го крана, но и нечто необычное, позволяющее мне иногда возвращаться в детство – это древний, но исправно исполняющий свои функции, бобинный магнитофон «Сатурн 201». Монофонический, но зато имеющий, помимо девятой, ещё и девятнадцатую скорость. К нему у меня особое чувство – нежность, граничащая с тоской по безвозвратно ушедшим временам.

Я встаю с гостеприимного пола, но вместо того, чтобы подойти к магнитофону, подхожу к окну. С той стороны стекла, стоя на ржавом подоконнике, тужится (глаза, как у краба, на лоб) белый голубок без признаков стыда, совести и отдышки.

Кажется, получилось. Клюв птицы, как в пластилиновом мультике, растягивается в блаженной улыбке. Повинуясь закону фильмов-экшн, мой взгляд устремляется вместе с голубиным дерьмом вниз. Через две с половиной секунды он разбивается о ясную лысину Вертолёта, моего школьного преподавателя истории.

Я совершенно не помню, как его зовут, но знаю, что человек он хороший, а ушам его может позавидовать всякий уважающий себя чебурашка. Мне стыдно за глупую птицу и больно за изгаженную светлую голову школьного учителя. Утешает только одно: в своей печали он не одинок. Этот голубь срал на головы великих Гоголя и Достоевского, Маяковского и Пушкина, а также он залетал в Феодосию, дабы почтить своим дерьмом памятник Айвазовскому и омытую светлыми южными дождями крышу дома-музея революцио-

нера и бухаря Александра Грина.

Любовь, застывшая в искусстве камня – это хорошо, но кушать тоже надо. Зажигаю газ, ставлю сковороду, на два пальца наливаю в неё прозрачного, как слеза девственницы, вишнёвого сока и кладу туда варёную куриную ляжку. Затем, впихнув своё тело на табурет в узком пространстве между столом и отопительной батареей, беру с её ребра книгу Маркеса. Курица будет готова только после того, как я прочитаю один из его рассказов – через сто лет одиночества.

«В трёх верстах от ночи, среди мусора и вони они молча практиковали камасутру. Бриллиантов и Шанель № 5 хватило бы на то, чтобы Гондурас навсегда позабыл о своём существовании и больше никогда не чесался. Но кони стояли как вкопанные, а в очаге культуры ясным пламенем горели культурные ценности. И только там, где раньше текла Мойка, и теперь по-прежнему звучит ACID Jazz Леонида Утёсова».

В дешёвом романе, как в дешёвой гостинице, вечно холодные полы. А хорошая книга способна не только согреть ноги и помочь переварить собственные мысли, но иногда и явить миру новые оригинальные идеи. С музыкой та же беда. Но музыка, в отличие от литературы, более пластична. По крайней мере, мне она активно помогает в процессе пищеварения. И я включаю магнитофон.

«Ум мани падме хум», – через тысячелетия, равные пятидесяти сантиметрам, доносится до меня из его динамиков. Почему я никогда не видел Гоби? Беру в руки коробку от

бобины и читаю: John McLaughlin «Molom – A Legend of Mongolia». Я никогда не видел Гоби! Не видел!!! Но зато услышал. В музыке эта пустыня так же, как Чёрное море, тиха и непредсказуема. Штиль, не успеешь глазом моргнуть, сменяется диким, саднящим душу штормом. Но в открытом море раны его неглубоки, и шрамы затягиваются песками так же быстро, как заживает отрезанная в этот мир пуповина новорожденного.

Горбун вторую неделю шёл по пустыне. За огромным его горбом, болталась маленькая холщовая котомка. В ней были только соль и спички. Ум мани падме хум. Воровал он громко, а отдавал тихо. Только вот оценить это было некому. Луна, песок, время и ветер были его единственными собеседниками. Больше разговаривать в пустыне не с кем. Правда, есть ещё солнце, но ему горбун не доверял и всегда обходил стороной.

Иногда, посреди ночи, утолив жажду и почувствовав нестерпимый зуд в горбу, сквозь одинокую песню голодной волчицы, он слышал дикий вой. Но происхождение этих странных звуков объяснить не мог. Он потратил на это долгое путешествие всю свою недолгую новую жизнь. Старую он оставил, словно грязную рубашку в прачечной, за углом своей памяти. Оставил да забрать забыл. Или не захотел.

В прошлой жизни в его синем паспорте значилось: Константин Трав. Но все, кто был с ним знаком, звали его про-

сто Костиком. До недавнего времени он работал официантом в ресторане «Два крокодила». По иронии судьбы, вчера у прежнего владельца ресторан этот выкупили две некрасивых женщины. Но Костик об этом не знал. Неделю назад за то, что обсуживал он клиентуру исключительно через руку (привычка – вторая натура), его уволили с формулировкой: «Так у нас все клиенты облюуются».

Не смотря на свою молодость – мать легко освободилась от его бремени 30 лет назад, – он прошёл и Крым, и рым, и медные трубы. В Крыму он действительно бывал (он там жил). К рыму относились его ратные подвиги, самым главным из которых являлся тот, что он, пройдя Чечню, не только остался жив, но и сохранил ясность ума. А что до медных труб, то кому из нас не слагали пространные любовные оды симпатичные и ветренные поэтессы?

Костик и сам иногда грешил стихами и баловался прозой. Но просто царапать пером бумагу ему было неинтересно. И он старательно выписывал облаками по лужам, рассветом по ночным птицам, призывом маяка по слепым фелюгам в прибрежном тумане. Всем тем, что давало ему воображение.

Он был сильным, молодым, стройным и красивым. Но не это отличало его от миллионов таких же молодых и красивых мужчин. Он, как песни, мог слышать мысли людей. «Ну и что тут особенного? Мало ли у нас психически неуравновешенных? Я и сам иной раз этим страдаю», – улыбнувшись, скажешь мне ты, а про себя тихонечко добавишь: «особенно

с бодуница», – и окажешься прав. Но, согласишься, слышать мысли других и при этом не уметь услышать самого себя – это нонсенс. Да-да, как он ни силился, к себе оставался глух.

Пожалел его и спас от необычной глухоты вечно пьяный дворник Сергеич. Сергеич был не простым дворником. Элита. Он, игнорируя шустрые бычки, пустые бутылки, ленивые обёртки от конфет с мороженым и прочую бытовую нечисть, читал свою нетрезвую рифму исключительно листопаду:

«Догони
агонию
поцелуй Иуды
нашёл пятый угол
посредством серебра
и только рыжая листва

мне заменяет твою память», – и осень, слушая монотонное бормотание, впадала в транс и, забывая о времени, засыпала на его сильных руках.

Летом Сергеич зарабатывал на жизнь-бутылку тем, что развлекался на пляже, как котят укладывая в армрестлинг загорелых заезжих качков; а зимой, в знак солидарности с бурыми медведями, впадал в спячку. Всякий раз, просыпаясь, он искренне радовался почкам набухшей весны, но любил только листопад, и тот отвечал ему взаимной привязанностью. Именно поэтому ранним утром, когда солнце взойдёт, но никогда уже не проснётся Сергеич, осень поднимет с земли опавшую листву и долго будет кружить её по малень-

кому прибрежному городу. Листья-печаль – рыжая память о навсегда ушедшем лете.

– Костик! – позвал Сергеич, разгоняя метлой по тротуару вечно опавшие листья, а сам подумал: «БУТЫЛКА!!!»

– Неужели тебе обязательно три восклицательных знака? – поприветствовал его Костя, – Чтобы понять, что тебе надо, не надо обладать никакими сверхъестественными способностями, – с этими словами он достал из кармана и протянул ему деньги.

– Спасибо тебе, добрая душа, – старик смахнул скупую мужскую слезу, – сколько я тебе уже должен?

– Я не считаю слёзы, – отмахнулся Костя, – к тому же, чужие, – и собрался было уходить, но помятый дворник остановил его:

– погоди, – сказал он, – долг платежом красен, – и, достав из оттопыренного кармана замусоленное зеркало, молча подал ему.

Стоило Константину в него посмотреться и что-нибудь подумать, как невидимым дыханием времени слух тут же возвращался к нему. Бедняга не знал, но, правда, догадывался: он слышит своё отражение.

И всё в его молодой жизни было бы хорошо, если бы где-то через месяц-полтора, сначала по двору, а затем и по всему городу не поползли слухи. Их катали на санках, всюду сующие свой нос, дети и убирали вездесущие снегоуборочные машины. А упитанная татуированная соседка тётя Кдара, си-

дя на скамейке под густым, как вишнёвый кисель, небом, выражая мнение общественности, сделала вывод: «нашему Костику не нужны ни девочки, ни мальчики. Он тащится исключительно с себя».

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: за это время звезда не успевает моргнуть, а он уже возненавидел и растреклятое зеркало, и тех, кто незаслуженно обвинял его в нарциссизме, и даже покойного к тому времени Сергеевича.

Кстати, о птичках. Костику снились не только обычные ароматы, а иногда и люди, но помнил он их лишь до тех пор, пока его ноги находились под одеялом. Стоило им коснуться пола, как сон тут же испарялся. Но нет правил без исключений. Один сон Костя всё-таки запомнил. И, причём, очень хорошо: выставочный зал, галерея, какая-то рок-группа со странным названием «Кашель», молодая стройная женщина с осенью на лице и красная кошка. Одинокая, дождливая осень в женщине привлекательней безбрежной радости в ней же. Хотя, это одно и то же, и я не думаю, что ля-минор лучше, чем до-мажор.

Снег ложится на твои плечи. Уже давно за полночь, а тебе не спится. Ты танцуешь на заснеженных крышах домов, пугая бездомных котов, перепутавших зиму с весной. Сон с любовью. Чай с вином. Гарольда Бадда с Биллом Шарпом.

Нагая нагоняет нас. Ветер может многое, но не всё. Он может принести и унести лето, но не в состоянии удержать

осень. Нас нагоняет нагая любовь. Ты танцуешь в ритме ночи, заслоняя полнеба вороньим крылом своих волос. Ты, как любовь, нага. Снег сгорает со стыда, стесняясь твоей наготы. И превращается в дождь. Крыши плачут, провожая в последний путь зиму. В город пришла весна.

Костя сидел на открытой террасе местного кафе и сквозь меню увлечённо изучал бёдра официантки. Он бы с превеликим удовольствием заказал себе именно их. В меню было всё, а бёдер не значилось. Что ж, придётся ограничиться традиционным кофе.

Негромко звучала старая, но до сих пор актуальная песня: «А женщины, те, что могли быть, как сёстры, красят ядом рабочую плоскость ногтей...»

– Пап, а для чего людям ногти? – «...и спросила кроха». Кроха была упитанным щекастым карапузом лет четырёх. Они сидели за соседним столиком и ели мороженое.

– Женщины с их помощью ловят самцов...

– А мужчины?

– Они их грызут. Некоторые на отходняке, а некоторые для того, чтобы завладеть этим несовершенным миром и сделать его лучше.

«Идиот», – подумал Костя – для этого зеркало ему не понадобилось – встал из-за стола и, не дожидаясь кофе, направился к дому.

Путь домой пролегал мимо выставочного зала, и поскольку часы на его руке имели сугубо декоративное значение, он

решил зайти и приобщиться к прекрасному.

Работ было много. Он миновал зал скульптуры и, задержавшись в зале номер два – там размещались живописные полотна, – заинтересовался одной картиной. Она называлась «Галерея». Возле неё стояла молодая стройная женщина. Костя подошёл и, тихонько кашлянув, сказал:

– Интересная работа.

Она обернулась, оценивающе взвесила его взглядом и произнесла:

– Да. Моя любимая из тех, что здесь находятся, – женщина была не только стройна, но и красива.

– Я тоже частенько прихожу сюда, – соврал он, – и, похоже, наши взгляды совпадают.

– А что Вам ещё тут нравится? – спросила женщина.

Костик оглянулся по сторонам в поисках спасительной детали и, увидав огромного толстого кота, радостно ответил:

– Кот.

Она посмотрела на ленивое животное – тот лежал прямо посреди зала, – улыбнулась и, ничего не сказав, вновь повернулась к картине. Похоже, время его полуторанедельного воздержания станет взрослее ещё на одну ночь.

По причинам никому не известным, он прошёл свой двор и оказался в чужом, впрочем, как две капли портвейна, похожем на тот, где жил сам. Там красная кошка, играя со своими длинными волосами, запуталась в них и теперь жалобно мяукала. Костя подошёл и осторожно помог ей выпутаться

из сложившегося положения.

– Спасибо, – услышал он.

– Ты умеешь говорить?

– Нет. Она не может.

Он обернулся. Перед ним стояла молодая и стройная женщина с осеью на лице. Та самая. Незнакомка с выставочного зала.

– Она может только убегать из дома и попадать во всякие неприятности.

– Необычный зверь, – намекнул Костя на редкий окрас и пышную шевелюру кошки, возвращая хозяйке её сокровище.

– Да, – подтвердила она его наблюдения, – очень редкая порода. Называется: «Необычная волосатая».

– Наверное, дорогая? – предположил он, а сам подумал: «Я бы с тобой покувыркался».

– Не знаю. Она мне досталась бесплатно.

– И как же зовут эту бесплатную драгоценность? – поинтересовался Костя.

– Москва, – ответила она, а потом, сказав: – пойдём, – взяла его за руку и потянула к подъезду.

– Куда? – он не упирался и спросил скорее машинально, нежели...

– Ни куда, а зачем.

– Ну, и зачем?

– Я помогу тебе, – тихо сказала она и поцеловала мирно

мурлыкающую у неё на руках, необычную волосатую кошку прямо в нос. Розовый нос был холодным и мокрым.

Квартира, в которую они вошли, была самая обычная, если не считать огромного количества книг и полного отсутствия зеркал.

Она подошла к шкафу, взяла с полки диск Майлза Дэвиса "Ту-Ту" и вставила его в проигрыватель.

Труба с сурдиной выматывала нервы, натягивая их в струну, и грозилась оборвать ее еще до того, как та издаст первый звук. Но та же труба, с той же сурдиной заставляла забывать, что есть такой элемент человеческого организма, именуемый нервами, успокаивая их до полного отсутствия.

Огромные белые шапки хризантем слушали Дэвиса и, я не могу сказать точно, но, по-моему, им нравилась его музыка. Она и хризантемы. Хризантемы, она и Дэвис.

– Откуда у неё хризантемы? – подумал Костя. – Весна на улице.

– Из оранжереи, – сказала она, – Вот тут я и живу, – а потом, спохватившись, добавила: – меня зовут Ивана.

– А меня...

– Костя, – прервала она его, – «Кто не знает Константина, тот тупица и скотина», – процитировала она фольклор местных мальчишек.

Вообще-то, там ещё было продолжение: «Он сутки в зеркало глядит и всё время говорит: я ль на свете всех милее?...», но Ивана сделала вид, будто знакома только с пер-

вой частью.

– Они меня уже достали, – посетовал он, оглядел комнату и, увидев на стене часы с неправильным временем, сменил тему, – твои часы опаздывают.

– Знаю, – она вздохнула, – завтра они умрут.

– Ты хотела сказать: остановятся, сломаются, перестанут идти? – он посмотрел на часы так, как будто ему предстояло решать их судьбу.

– Видишь ли, это хорошие часы, – Ивана поймала его взгляд и улыбнулась, – а хорошие часы так же, как хорошие люди – редкость. Они не останавливаются, ломаются или перестают идти – они тихо и с достоинством умирают.

Костя не знал, что на это ответить и поэтому, не обнаружив в её комнате одностороннего окна в мир, тщательно, но тщетно скрывая радость, спросил:

– А где твой телевизор?

– Нет его.

– Почему?

– Слишком много ненужной информации.

– А! – понимающе протянул Костя, но, поскольку на самом деле, не понял ничего, то решил ещё раз сменить пластинку: – Ого! Сколько книг!

Все стены её комнаты от пола до потолка были заставлены стеллажами с книгами.

– Да, – согласилась Ивана, – они мне достались от бабушки, – и, предупреждая очевидный вопрос, пояснила: – все

они написаны на древнем языке синероссов.

Константин взял одну из книг, раскрыл её и, глядя на странные буквы, прочитал:

– Синяя магия. 547 советов начинающим, – затем он удивлённо произнёс: – Но я понимаю этот язык.

– Ничего удивительного, – сказала она, – гены берут своё. Ты тоже синеросс.

Она облизала его память, и он, заглянув в далёкое прошлое, мыслями своими переместился в солнечный город Краффу. Город был большим, белым и красивым. Впрочем, так же, как и все города того времени. А всё, что не было большим, белым и красивым, городом просто не являлось. Там он узрел умных и сильных людей. Во сне они видели дельфинов, а наяву запросто общались с ангелами и поэтому поклонялись Воде. Костик почему-то не удивился, когда понял, что все они, как и он, могли слышать мысли других, а к себе оставались глухи. Но это их не заботило, потому что их собственные мысли становились частью чего-то единого. Огромного и светлого... общий банк информации.

– Утопия! – произнёс Костя, – Я не знаю, как это тебе удаётся, но кино отвратительное. Коммунизм какой-то.

– Этот, как ты выразился, «коммунизм» был первой и единственной цивилизацией на Земле. Все остальные – о нашей я просто молчу – жалкая пародия.

– Да? Ну, и где же теперь эта твоя ЦИВИЛИЗАЦИЯ? – съязвил он.

– Во-первых, не твоя, а наша, – Ивана протянула ему «Синюю магию» и, сказав: – дарю, – продолжила: – а, во-вторых, загляни-ка в мои мысли, а то ты со своим зеркалом никого, кроме себя, не замечаешь.

Он с огромным удовольствием выполнил её просьбу и к своему удивлению нашёл там только одну-единственную фразу: «Ты же хотел со мной покувыркаться». Как видно, в этом мире не только он умел читать чужие мысли.

В трёх верстах от солнца, прямо посреди хаоса застывшего времени они безмолвно практиковали камасутру. Слез и пота им хватило на то, чтобы ночной пёс сна навсегда позабыл о своём существовании и больше никогда не чесался. Но верблюды в этих песках стояли как вкопанные, а в очаге культуры ясным пламенем горели культурные ценности. И только там, где раньше текла река, и теперь по-прежнему звучит закованный в каменные берега ACID Jazz Леонида Утёсова.

Они лежали на полу, курили и молчали.

– Я тебя видел во сне, – подумал он.

– Знаю, – ответила она.

– Откуда?

– Воруешь громко, да тихо отдаёшь, – сказала она. И он решил, что будет лучше поменять тему:

– Это даже не мысль, а так, простая констатация факта моих предпочтений, – предупредил он и поцеловал её в грудь, – дождь лучше, чем снег. Он не тает.

– Снег лучше, чем дождь, – молча не согласилась она, – он говорит, не проронив ни звука, – и добавила: – я научу тебя видеть сны.

Ночная. Твои волосы можно сравнить только с ночью. В них обитают звёзды. Звёздные запахи по колено погружаются в землю и наполняют собой уставшие за день ноги. Ноги пахнут не потом, а звёздами. Созвездиями. Телец и Весы. Ты и я.

Мы лежим под цветом твоих волос, над звёздной суетой. На улице Лето некто беспредельно одинокий обречено терзает гитару. Вчера, в пьяной драке ему выкололи третий глаз, но он, счастливчик, об этом не знает.

Ты что-то говоришь. Я слушаю, но не слышу. Мне достаточно мелодии твоего голоса. Она, словно спелое, налитое солнцем яблоко. Его хочется съесть. Если не всё, то хотя бы попробовать.

Надкушенное яблоко целее целого. Оно знает горечь утраты. Ночь. Спят подсолнухи и снег, подснежники и солнце, подберёзовики и кедры. Я иду опушкой леса. Слева меня безмолвно преследует моя серебристая ночная тень. На траве и в небе твоих волос копошатся светлячки звёзд. Закуковала, кем-то не ко времени разбуженная, кукушка. Кукушка-кукушка, сколько мне жить? Птица замолчала так же внезапно, как и заговорила. Я испугался. Но Млечный путь, берущий своё начало в речке Кара-Су, голосом моей мамы сказал, что тот, кто не услышал от кукушки ответа на свой во-

прос, либо уже мёртв, либо будет жить вечно. И тогда я понял: это не я, а любовь шарится по ночному лесу. Моя любовь. Она жива. Она будет жить вечно.

Неритмичная линия горизонта задрожала и порвалась под натиском рассвета.

Бесцветная любовь.

Приехала и уехала Катя.

Моя бесцветная, но с запахом переспелой вишни любовь одиноко лежала на пыльном тротуаре. Её обронил и забыл подобрать пьяный апрель.

Ночь навалилась на макушку тяжестью всех своих звуков. Лён простыни звучал, как неспелый лист фанерный. Подушка мирно поскрипывала под моим чутким ухом, становясь припевом в единой песне цикад. Но продолжалось это не долго. Меня легко подмял под себя и размазал по рельсам тяжёлый локомотив сна. Чем тяжелее, тем легче. «Спи. Утро будет усталым», – сказала Анна Каренина.

Снилась Тамара – красивейшая женщина на всём белом свете. Карие с синим ободком глаза излучали желание. Высокая грудь томно вздымалась под лёгким топиком. Ноги, мечта порнографа, уверенно стояли на высокой шпильке. Да что там говорить? Эх! Это надо видеть. Одно железо чего

стоит. О басовом барабане я просто молчу. А как звучит её рабочий! А альты с томами! Нет! Это всё-таки надо слышать. А всё от того что, вынырнувший из очереди за синими воздушными шарами, карлик с отвратительной бородавкой на носу – он один знал, куда на самом деле подевалась Атлантида – подпрыгнул и вылил мне на голову: «Уменьшительно-ласкательное от Тамара будет не Тома, а ТАМА».

Я проснулся довольно рано. Просто спать дальше мне помешало солнце, а, может быть, голодная и потому оравшая, как резаная, кошка. Не знаю, кому как, а мне надоедает все это хозяйство еще до того, как начинает происходить. Запустив в это милое животное тапочкой сорок пятого размера, встаю с постели и направляюсь на кухню для того, чтобы насыпать в кормушку этому троглодиту, этому спиногрызу с нежной шерстью и мягкими повадками немного корма. А, впрочем, нет. Пусть подавится. Пускай она объестся и... Вообще-то я люблю кошек, но когда они начинают орать, я готов на убийство.

Стоя возле газовой плиты, в одних трусах и одном тапке, замечаю, что душераздирающие вопли сменило довольно мелодичное, мелодично-довольное урчание. Господи! И всего-то! Набить утробу! И только для того, чтобы через некоторое время, проголодавшись, вновь орать. О времена! О нравы!

Радио. Supermax. “Miss You”. Supermax на радио – это раритет. Вот Hauenstein скучает по кому-то, даже песни для

кого-то от скуки пишет. Живет человек. Горит. Как Данко с китайским фонариком в руке. А у меня в жизни никаких потрясений, и не люблю я никого. Одна радость в жизни – отходняк, потому что жить не хочется. Поймав себя на том, что я совершенно никчемное существо, я стал собираться не знаю куда. Просто куда-нибудь, лишь бы не сидеть дома. «... но прочь отсюда, скорее прочь». Сказано – сделано.

Я вышел из квартиры. Закрыл дверь. Ключи в карман, и стал спускаться по лестничным пролетам. Спустившись на один этаж, я вновь оказался на своем. Сомнений никаких. Все сходится: дверь моя, и надпись похабного содержания слева от нее. Это был мой этаж. Сначала я решил, что просто задумался и не обратил внимания на то, что еще не тронулся с места, после чего, сконцентрировавшись на этом, стал снова спускаться и вновь оказался на своем этаже. Это становилось уже интересным. Особенно, если вспомнить, что еще каких-то пятнадцать-семнадцать минут назад, я сетовал на то, что в жизни моей ничего, кроме пьянок и следующих за ними отходняков, не происходит... «Получи, фашист, гранату», «получи и распишись» в получении таковой. На часах – половина одиннадцатого. Я присел на лестницу и, пытаюсь обдумать свое нелепое положение, закурил. Говорят, что никотин успокаивает нервы. Ерунда. Чепуха. Бред кобылы сивой. Не докурив даже до половины, я бросил сигарету на пол и снова пошел вниз. Результат оказался прежним. Прodelав тот же, что и два предыдущих раза, путь, я вновь оказался у

виртуального корыта, которое, к тому же, было разбито. Говоря иначе, без метафизических метафор, я опять очутился на своем этаже и еще дымившийся окурочок был прямым тому доказательством.

И тогда меня осенило. Какого, спрашивается, меня постоянно тянет вниз, когда ещё имеется путь наверх? Закурив для храбрости ещё одну сигарету, я стал подниматься. Поднявшись на шесть лестничных пролетов, я оказался на последнем, пятом этаже. Дальше передо мной стоял путь на чердак и дилемма в виде огромного навесного замка, закрывающего этот самый путь. Не ломать же его, в самом деле? Да и возможности у меня такой не было. Немного постояв в раздумьях перед ржавым амбарным красавцем, я стал спускаться. До второго этажа всё шло просто замечательно, и в душу мою уже закралось радостное предчувствие, что, может быть, все обойдется. Однако предчувствиям сбыться было не суждено.

Прошло около двадцати минут. Странное дело, я перемещался во времени, не имея такой же возможности в пространстве. Я вспотел. А, вспотев, вспомнил о том, что буквально рядом есть выход из этого кошмара... И выходом была не какая-то мистически-символическая, а самая обыкновенная дверь. Дверь моей квартиры. Возился я с замком, как мне показалось, долго. Достаточно долго для того, чтобы понять: ключ не подходит. И когда, отчаявшись, я отошел от двери, она открылась. Не сама, конечно. Мне открыл ее Я.

И ладно бы он, то есть я, был в трусах и одной тапочке. Так нет же. Дверь открыл гладко выбритый, отутюженный, холерный и к тому же, что противнее всего, аккуратно причесанный скот. Он, как ни в чём не бывало, смотрел на меня вопрошающим взглядом. Конечно, не таким диким, как у меня, а просто, как бы спрашивая: чего, мол, надо? А что я могу ответить? Тогда, ничего не говоря, он, пожав плечами, закрыл дверь перед моим небанальным носом.

Нужно ли говорить, что чувству моего гнева праведного предела не предвиделось. Хотя, если честно, плевать я хотел на свой гнев. Мне просто было страшно. Хичкок – ребенок со своими психологизмами. Что может быть страшнее отвергнувшей тебя действительности? Смерть не так страшна, потому что после смерти тебя все же, так или иначе, но куда-нибудь, да определяют. А как быть тому, кто жив, здоров, но по какой-то непонятной, нелепой случайности, выпал из этого мира, не понимая, что именно с ним произошло, но зная, что место его занято? Мне было страшно. Страшно до такой степени, что я проснулся...

Крик голодной кошки – вот кошмар, неподдающийся описанию. Запустив в нее домашней тапкой, я встаю и приступаю к утреннему осмотру помещений своей не избалованной ремонтом квартиры: туалет-дерьмо, ванная-мыло, кухня... хочется кофе. Я завариваю себе чай. Как сказал Паша: «За неимением горничной, имеем дворника». Курю.

Радио. Supermax. "Miss You". Голодная кошка требует

завтрака. По-моему, где-то это уже было. Может, не стоит сегодня выходить из дома, от греха подальше? А? Хотя, с другой стороны, такое возможно только в кино или, на худой конец, во сне. Снов бояться – из дому не выходить. Наплевав на предрассудки, я оделся в шлёпанцы и бодрым шагом вышел из квартиры.

За порогом меня ждал труп мужчины. Не дошёл. Бедолага. Если судить по внешнему виду – это был самурай. И торчащий из его живота классический японский меч подтверждал мою догадку. Харакири. Но почему у порога моего дома? Да, жизнь загадками полна!

В милицию звонить я не стал. Моё жилище находится на самом краю необъятной, как атом, вселенной. Иначе говоря, моя хата с краю. Я просто аккуратно переступил самураистого покойника (его открытые стеклянные глаза норовили заглянуть мне под шорты – не возбуждает) и пошёл за кормом для кошки.

Подходя к магазину, в его витрине я увидел: $1+1=1$. Ностальгия. С математической точки зрения данное утверждение, наверное, ошибочно. Не мне судить. Но с точки зрения одиночества.....

Андрей Тарковский, похоже, был одинок. В противном случае, чего ради ему стоять в очереди за этим «равно один»?

Худая роса, не успев расположиться на листьях пыльной травы, разложилась на солнце.

Дождь. Последний раз он баловал своим присутствием этот измученный город во времена первого пришествия Христа. Грянул гром – умер Иисус, и хлынул ливень, смывая следы и тех, кто их оставил.

– А что это за мальчик? – спросила ребёнка упитанная жизнью тётя Кдара и протянула ему апельсин.

– Я не мальчик. Я Анастасия, – гордо ответила девочка, взяла фрукт и, сказав: «Спасибо», удалилась.

Ей ещё и четырёх не исполнилось, а она уже была хозяином города, в котором две с лишним тысячи лет не было дождя. Смерти там тоже не было.

В изнеженный солнцем, последний день февраля маленькая птичка, пролетая над городом, немного потужилась и какнула балкой, основательно побитой шашелем, на голову скромному труженику гильотины. Прежде, чем нож упал на шею несчастного, палач познал истину, а приговорённый – радость амнистии.

В зияющих цельной пустотой глазницах окон погибающей цивилизации изредка колыхались разноцветные, легкомысленно весёлые занавесочки. Глазницы были, а самих окон... извините. Они, поддавшись зову сердца, вслед за перелётными птицами улетели в тёплые страны. А ведь бытует мнение, что форточки предмет неодушевлённый и, поскольку лишены крыльев, им чуждо чувство полёта. В детских мечтах любая фантазия становится реальностью,

и негоже взрослому дядьке топтать своими невымытыми

ногами детскую утопию. Я обошёл город десятой дорогой. Правда, сделать это было непросто. Анастасия, как всякий нормальный ребёнок, не могла долго оставаться на одном месте. Город передвигался вместе с её запахом – корица с молоком.

Вынашивая в кармане одинокие мысли, я, пройдя одну лишнюю зиму, понял, что пропустил мимо ушей – идеальный пробор – конечную цель своего путешествия: кошка, корм, магазин. Пришлось возвращаться.

Ловлю такси. Времена, когда они клевали только на червя, канули в Лету. Теперь его запросто можно поймать на пустой крючок.

С таксистом я обошёлся изуверски щедро.

«Ты душка», – таксист молнией взобрался на башню Эйфеля, прошёлся по карнизу, закурил и плюхнулся, словно коровья лепёшка, на землю. Суицид, однако.

«Это уже вторая за сегодняшнее утро смерть. Как бы не вошло в привычку», – подумал я и, сжимая подмышкой корм для кошки, направился к своему подъезду.

Первая любовь.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА – самая известная и крупная библиотека Древнего мира – была основана при Александрийском музее в начале III века до нашей эры, при Птолемах. Древние ученые насчитывали в ней от

100 тысяч до 700 тысяч томов-свитков.

Возглавляли библиотеку крупнейшие ученые своего времени – Эратосфен, Зенодот, Аристарх Самосский, Каллимах, являвшиеся также, как правило, воспитателями наследников престола. В ней занимались выдающиеся философы, ученые и поэты. Среди них – Аполлоний Родосский, Евклид, Архимед, Плотин.

Часть Александрийской библиотеки погибла во время пожара в 47 году до нашей эры во время войны, однако позднее библиотека была восстановлена и пополнена за счет Пергамской библиотеки.

В 391 году нашей эры при императоре Феодосии I часть библиотеки, находившаяся в храме Сераписа, была уничтожена христианами-фанатиками; последние остатки ее погибли при господстве арабов в VII-VIII веках.

Не успел я вскрыть пакет с кошачьей едой, в дверь настойчиво постучали.

– Редин, что ты знаешь о синероссах? – с порога, вместо «здрассте» выпалил запыхавшийся, как паровоз, Костик.

– Ты что, начал по утрам бегать? – ответил я, пропуская его в комнату.

– Ты не ответил.

– Ты тоже.

Минут пять мы препирались, после чего забрались в Интернет и под чай со свежими вчерашними пирожками задали

ему вопрос, первоначально адресованный мне. Недолго думая, всемирная паутина послала нас, словно на святую Хуйгору, в одно из семи чудес света – знаменитую Александрийскую библиотеку. Вместо того чтобы там же, в Интернете, выяснить, где именно находится эта святая гора, нетерпеливый Константин потребовал:

– Звони Кате.

– Зачем? – если бы я не знал, что он служил в спецназе, то пинком под зад отпустил бы ему грехи и выгнал к чертям собачьим.

– Ну, она же у тебя в Египте.

– Ну, – согласился я, – и что?

– Александрия тоже там, – блеснул познаниями в области географии он.

Пререкаться – бесполезная трата времени. Отмазки не кажутся. Я набираю пятнадцать цифр номера телефона Кати и прошу её зайти в Александрийскую библиотеку:

– Ты понимаешь, нашему Костику, как снег на голову, вдруг понадобилась информация о каких-то синих россах, – дышал я в трубку, а сам думал о том, что уже больше месяца не был с женщиной. Верность вредна для здоровья.

– Редин. Милый, – как можно мягче начала Катя, – твою библиотеку сожгли.

– Давно?

– Давно. Где-то году в 48, – она немного подумала: стоит ли меня расстраивать? А потом, сказав: – до нашей эры, –

убила.

– И кто этот изверг? – по инерции поинтересовался мой труп.

– Гай Юлий Цезарь...

– А...

– А что не успел сжечь он, довершили местные придурки. Так я узнал, что Константин Трав принадлежит к несуществующей нации синероссов.

Включаю радио. Там терзает свои связки некто Лебединский.

Профессор умирал. Жил он, вернее, пил (что в лоб, что по лбу) на небольшом, но довольно уютном островке. От людских глаз подальше. Водка кончилась. Началось похмелье. Лодки не было. Страдать без горькой профессор должен был ещё два с половиной дня. Именно через столько, учитывая предварительную договорённость, обещался приплыть к нему лодочник.

Лодка – водка.

Медленная мебель молчала.

Мело мелом мелодию мелодрамы: «Я люблю тебя, лодочник!», – запел профессор, увидев приближающуюся лодку.

– Станный он тип – этот профессор Лебединский, – сказал, расстроенный непредвиденным пожаром в Александрии, Константин, сожрал все мои пирожки и, не попрощавшись, вышел из дома.

Я допил свой чай, закурил и подошёл к окну. Что такое?

Опять? Проклятый символ мира! Сколько можно срать? Кыш. Я кому сказал? Кыш!

– Кого ты там терроризируешь?

От неожиданности я выронил свою старость. Вздогнул. Обернулся. Передо мной стоял Костик. В руках он держал двухлитровую банку. Похоже, самогон.

– Это не самогон. Это настоящая чеченская чача! – последнее слово он произнёс с кавказским акцентом.

– Ты меня так зайкой сделаешь, – я знал о его способности читать мои мысли и поэтому акценту его не удивился.

Кухня, если не считать ритмичного протеста капающего на мозги крана, молчала. Да закрути ты его! На столе одиноко скучает большая спелая дыня – подарок из Джамбула. Выбрался из своего жилища сонный таракан. Затуманенным глазом с грустью посмотрел на дыню – предел его гастрономических потребностей и, осознавая тщетность своих желаний, вернулся в свои апартаменты. На прощание он помахал нам усами. Наверное, благодарил за то, что не убили.

В негромком кухонном кафеле болотного цвета живет образ старого Леонардо: на трезвый глаз – прожилки и больше ничего. Но стоит только накатить...

– Как, по-твоему, на что похожа первая любовь?

Я набрал в лёгкие воздух, но ответить не успел. Костик встал, закрутил кран, сел на место, прикурил, сладко затянулся, задумчиво выпустил дым и, не дожидаясь ответа, сказал:

– Смотри. Видишь? Да Винчи, – на кафеле явственно проступил орлиный профиль ученого.

– Да. Да Винчи. Точно, – употребляемая между строк чача с профессиональной лёгкостью экскурсовода Третьяковской галереи объяснила, где именно надо искать абрис графического автопортрета великого художника.

Слово, словно слоёная слогами слюда. Его вставляют в глаза и смотрят на мир в розовом цвете. Камешек жёлтый, камешек зелёный. Из какой бутылки принесло этого нелепого джина, мастера трансформаций и перевоплощений, красивого одноногого юношу, и откуда взялась сама бутылка, я не знал, но я точно знал, что он приручил своего демона (о чём свидетельствовало отсутствие одной ноги), и мне хорошо было известно, что...

...в двух шагах от пляжа прибрежный лес нехотя позволял прятаться наглой, но пугливой сойке в шепоте своей листвы. Неспелый приморский ветер оставил едва различимый, словно вилами по воде, след в моей душе и навсегда поселился в твоих карих глазах. Горизонт – я его не видел, но отчётливо слышал – навалился нарисованной темнотой на картонную действительность, и в руки твои попросилась ночь. Цикады и звёзды то и дело подтрунивали друг над другом.

– Почему ты её застёгиваешь?

Моя рубашка постоянно расстёгивалась у неё на груди.

– Не знаю, – я действительно не знал, зачем я это делаю. – Лена.

– Что?

– Лена.

– Ну что?

– Мне просто нравится произносить твоё имя.

Загудел, отходящий от причала, последний прогулочный катер. Маленький, почти бумажный кораблик. На нём навсегда уходили в море к звёздам чьи-то радости и печали, страхи и надежды, желания и разочарования – всё то, что, наполняя существование дыханием жизни, мешает жить. Со мной осталась лишь истина. Но я, словно во сне, никак не мог разглядеть её лица. Какая она?

– Значит так. Берёшь большую спелую дыню. Разрезаешь её пополам. Затем наливаешь себе стакан водки, – его пере-дёрнуло. В этот момент он познал истину – до него дошло истинное значение слова «вздрогнем», – выпиваешь его и погружаешь своё лицо в дыню. Прямо в середину.

– И что?

– Ну, ты же хотел знать, на что похожа первая любовь?

– Нет, – не согласился со мной Костя, – я вчера влюбился, но мне совершенно не хочется дыни, – он взял стакан и, сказав: – а вот выпью я с удовольствием, – выпил.

Кристина.

Пришёл Алик, с гастрономической тоской в голосе жад-

но посмотрел на стол, произнёс: «О! Дыня!» и выпил чаи. Потом закурил и принялся изливать нам свою, заляпанную портвейном, душу.

Фитобар. Стоя у стойки, он стойким оловянным солдатиком внимал наставлениям настоятеля. Закурил.

На стенах домов разрисованных радугой улиц висела весна. Он не заметил, как в это царство фитотерапии, сдобренное лёгкой музыкой, вошла она. Подошла к стойке, заказала какую-то хрень из апельсино-ананасно-грейпфруто-банано-вишнёво-яблочного сока и отошла к свободному столику. Оказывается, здесь и такое подают. Для полного счастья в этом коктейле не хватает томатного сока и пары чайных ложек майонеза. Впрочем, каждый сходит с ума по-своему. По своему личному, сугубо индивидуальному рецепту. Вот, скажем, мне пришла же в голову мысль: закурить в этой кузнице здоровья, в этой житнице счастья и хорошего настроения, от чего у моего, непонятно откуда взявшегося, собеседника появилась причина для новой порции нравоучений, которой он без колебаний воспользовался.

От скуки я стал глазеть по сторонам и увидел... Высокий каблук, стройные ноги, короткая юбка. Поднимая глаза всё выше и боясь разочарования, понял, что в мире есть и приятные моменты. Этот был одним из них. На меня смотрела обладательница красивого, с лёгким оттенком ядовитости,

присущим всем умным женщинам, лица. Длинные волосы подстать цвету её глаз – то ли чёрного, то ли тёмно-коричневого цвета. И вообще, девочка была, что надо. Только слегка подводила грудь, вернее, полное отсутствие таковой. Но зато в остальном наблюдался полный порядок.

Изучив меня, она отвела свой взгляд в сторону, чего я сделать не смог, да и не пытался.

Девочка и Весна.

Стояла ранняя весна. Чирикали воробьи. Пели коты и птицы. За моим окном был слышен французский гомон неугомонных голубей. На чьём-то неогороженном огороде нежился под ласковым весенним солнцем рыжий соседский пёс. Короче говоря, идиллия, лубок и прочая хохлома.

Как и подобает, в такую погоду на улице резвилось много детей. Некоторые играли с мячом, некоторые забавлялись со скакалкой, а одна милая маленькая девочка, вооружившись мелом, что-то старательно выводила на асфальте. Это что-то, судя по всему, было очень большое и достаточно масштабное, потому что девочка чертила длинные (больше метра) белые линии и асфальт терпел. Эх. Да что лукавить-то? Асфальту было приятно прикосновение детских рук.

Выкурив две сигареты и поняв, что дело, хоть и движется, но отнюдь не семимильными шагами, я решил, что будет

лучше вздремнуть. Что мне снилось, не помню, но, проснувшись через два часа, я вышел на балкон для того, чтобы размять свои лёгкие табачным дымом. Затянувшись, посмотрел вниз. С высоты птичьего полёта взору моему открылась следующая картинка: на асфальте огромными белыми буквами, толстыми и тщательно заштрихованными было написано два английских слова: «Fuck off». И это всё.

Возможно, именно такой, не по годам эрудированной, маленькой симпатичной девочкой была обладательница стройных ног и чудесного коктейля, включающего в себя двадцать три наименования фруктового сока. Ей, судя по всему, надоел мой настырный и настойчивый взгляд, а может быть, просто понравился владелец этого взгляда. Не знаю. Но она встала из-за стола и напрямик направилась ко мне. Хорошо. Ничего не скажешь. Даже очень. Наверное, она знала, что, если ею не восхищаются, то, по крайней мере, изучают. Это уж точно. Шла она, как модель по подиуму – дефиле среди столов с пустыми стаканами (нехватка рабочих рук или неоправданная экономия хозяина этого фито-заведения). Даже мой персональный лектор, так увлечённо рассказывающий о вреде всего вообще и табакокурения в частности, прервал на полуслове свой монолог и с открытым ртом наблюдал за её походкой. Подойдя, она произнесла:

– Меня зовут Кристина. Я люблю лето, диско, море, шумные компании и «Amaretto», – вот так и никак иначе мы при-

выкли представляться незнакомым людям.

– А. Бабоукладчик.

– Что? – её брови удивлённо взметнулись вверх.

– Да нет. Ничего. Меня зовут Олег. Я не люблю всё Вами перечисленное, но это не мешает попытаться нам найти общий язык.

– Где?

– Что где?

– Где мы будем пытаться его найти? У тебя или у меня? – более короткого перехода на «ты» мне наблюдать не приходилось.

– У меня дома мама, – солгал я, надеясь на то, что она пригласит меня к себе. Захотелось посмотреть, как и где живёт столь бескомплексный человек.

– А! Маменькин сынок?

Вообще-то это глупость, кажущаяся верхом крутизны для какого-нибудь пятиклассника, а, может, и того моложе, но я постарался пропустить эту ошибку мимо ушей.

– А, как насчёт того, чтобы поехать к тебе? Возьмём «Amaretto», пару дисков с диско-музыкой, наберём в канистру морской воды и станем шуметь до седьмого пота, чтобы было похоже на летнюю жару.

– А ты весельчак, – похоже, с «маменькиным сынком» она просто погорячилась, – только диски выбирать я буду сама. Да и без морской воды, я думаю, мы как-нибудь обойдёмся.

– Как скажете, сударыня, – иногда меня пробивает на

псевдоинтеллигентность.

После непродолжительного вояжа по магазинам, в основном в поисках музыки, удовлетворяющей эстетические запросы незакомплексованной Кристины, мы пошли на стоянку такси. Она находилась в двух шагах. В Ялте всё рядом.

Весна, устав от бесцельно подвешенного состояния, спустилась на тротуар и, дойдя до ближайшего такси, забралась в него вместе с нами. Третьим, бесплатным пассажиром. Хотя, нет. Это просто мне показалось. В конце концов, было бы непростительным эгоцентризмом с моей стороны, взять и забрать всю весну себе. Пусть даже на время непродолжительной поездки. Пусть даже в такси. Однако, пребывая в таком приподнятом настроении, то ли от близкой близости, то ли от того, что весна сошла на тротуар, а может быть просто из-за лихой езды таксиста, я не заметил, как мы добрались до её дома.

В её однокомнатной квартире творился творческий беспорядок, но пыли, как это ни странно, не было. Её не было даже там, где она должна, просто обязана была водиться. Например, в каком-нибудь дальнем углу или, скажем, на кинескопе телевизора. Её не было нигде. Даже плафоны люстры были освобождены от её присутствия.

– У тебя уютно, – сказал я, и это было правдой.

– Я знаю, – ответила она, и это тоже не было ложью.

– А где у тебя водится холодильник? – зайдя на кухню, я не обнаружил этого домашнего представителя вечной мерзлоты

там, где он должен был находиться.

– Он не водится, а живёт, и живёт он на балконе, – почти кричала она из комнаты, не зная о том, что у меня отличный слух.

– Привет, старина, – попытался я поделиться своим игривым настроением с холодильником.

– Привет, муило, – холодильник был настроен отнюдь не игриво.

Ну, что ж, на нет и суда нет. Положив в сей неприветливый агрегат (одно слово – холодильник) бутылку водки, два банана, три мандарина и одно яблоко, я пообещал себе, что больше не буду общаться с этим грубияном. Ликёр я предусмотрительно оставил на столе.

– Что ты здесь делаешь?

Я был уверен: она знает о том, что её неодушевлённый сожитель обладает крайне сомнительной для холодильника способностью разговаривать.

– Да вот, только что поругался с твоим холодильником.

– Не обращай внимания. Он всегда груб с незнакомцами, но когда ты познакомишься с ним поближе, увидишь, что он умеет не только грубить...

– Но и хамить...

– Да. Этому его тоже не надо учить. Кстати, он так же, как и ты, любит джаз.

– Откуда ты взяла, что я люблю джаз?

Я был уверен в том, что не говорил ей о своих музыкаль-

ных предпочтениях. Не на лбу же у меня это написано.

– Да у тебя на лбу это написано, – я подошёл к зеркалу . . . , – не в прямом смысле, конечно. Я не знаю, как это объяснить, но почти всегда могу безошибочно определить людей предпочитающих джаз, другим музыкальным направлениям, не говоря уже о панках и рокерах.

– Интересно, как это у тебя получается?

– Я же сказала: не знаю.

– Не знаешь и ладно. Ну, что приступим?

– К чему?

– К поиску общего языка, – я открыл грубияна и извлёк из него водку.

Она достала из кухонного шкафчика две семидесятиграммовые рюмки.

– Приступим.

И мы приступили. Первый тост был поднят за успешный поиск. Второй – за весну. А третий, я не удержался и поднял за её ноги, как за красоту вообще.

Она поняла мой тост по-своему (впрочем, и по-моему – тоже). Встав из-за стола, она освободилась от одежды и, подойдя ко мне, уселась на мои колени. Дальше было . . . Мне бы очень хотелось написать о том, что было дальше и, причём в таких подробностях, чтобы волосы на голове, и не только на ней, встали дыбом. Но, как говорится, не судьба. Перлы типа: «он взял свой могучий горячий штык и погрузил его в её благоухающий цветок» – не по мне. А посему мы по-

ставим в этом месте многозначительное многоточие... и даже снабдим это хозяйство на коду восклицательным знаком! Вот. Или даже тремя, чтобы не было сомнения, в том, что всё было просто прекрасно!!!

Выкурив сигарету, которая, как известно, приятна не только после обеда или с кофе, но и после вышеозначенного многозначительного многоточия, я сказал:

– Хочешь, я научу тебя жесту, который придумал сам?

– А что он означает? – она встала с постели и надела свой домашний халат.

– Он означает: ты и я – одно целое, – указав на неё правой рукой, я дотронулся до своей груди, а затем сжал её в кулак.

– Похоже на жест индейцев.

– Да. Наверное. Я не задумывался над этим...

– Нет. Вы должны мне ответить. Почему Вы курите?

Как же ты меня достал, демон в сутане. Помечтать спокойно, и то не даёт.

– Наверное, потому что нравится, – я с некоторым сожалением продолжал смотреть на обладательницу соблазнительных ног.

Ей, судя по всему, надоел мой настырный и настойчивый взгляд. Встав из-за стола, она, словно модель на подиуме, прошла мимо столов с пустыми стаканами и направилась к выходу. Мой католик-нервотрёп, на полуслове прервал свою тираду и с открытым ртом наблюдал за её лёгкой уверенной

походкой.

– А теперь, Редин, представь себе такую картину, – докричаться до Костика – гиблое дело. Он, положив голову на руки, мирно похрапывал, – Она подошла к двери. Повернулась и, сначала указав на меня, дотронулась до своей груди правой рукой, затем сжала её в кулак, чему-то улыбнулась и вышла на улицу, – он выжидающе посмотрел на меня.

– Мечтать не вредно, – резюмировал Редин.

– Да не об этом я сейчас, – Алик вылил себе в рот остатки чеченского самогона. – Откуда она узнала про этот чёртов жест?

– Да. Жизнь загадками полна.

Эта фраза подействовала на Константина, как будильник. Он поднял голову. Наводя ориентир, покрутил ею по сторонам и, сказав:

– О! Стихи! Я люблю стихи, – стал декламировать:

В одних трусах на босу ногу,
Из кухни прямо в поднебесье,
Я пытаюсь нащупать дорогу
К Богу.

Но коварные хитрые бесы
Наличием стройных и длинных ног,
Обтянутых в лайкру, обутых в каблук,
Мешают мне. И я слышу, как слог:
Тук-тук. Тук-тук.

Тукумский – нет – тунгусский каменюка

Упал на Землю, расчесав тайгу
(слегка похоже на Эдемскую гадюку
Что шороху наделала в саду).
Стакан кефира на столе
Мне вдруг напомнил о тебе,
А в пепельнице сигарета
Лишь подтвердила мне всё это.
И кошка, сидя у окна
Зимой и ожидая лета,
Сказала мне, что ты одна,
Как безгарнирная котлета
И ждёшь меня...
Любовь – игра,
Как баскетбол или футбол
Где Стэнли Джордан Марадонна
Пытается в ворота гол
Забить. Но нету гола.
И мяч, увы, не кокаин,
А нос, похоже, не ворота.
И вот теперь сей ас один...
Однако Бог ему судья.
А Он – не я.
Зима – это не лето
И тьма мне не заменит света
А впрочем, так же, как свет тьмы.
И вот итоги: мы одни.

Война похожа на прогулку
По венам кайфа. И проулком
Дождливым и грязным к тебе я бреду,
Как подобает, в пьяном бреду
Я пытаюсь нащупать дорогу
К Богу.

В одних трусах на босу ногу
Из ночи прямо в поднебесье,
А может быть к морю, выйдя из леса.

Он замолчал, а я подумал:

– Неужто он сам написал?

– Нет, – ответил Костик, – не я.

– А кто?

– Не помню, – сказал он и свалился под стол.

– И что теперь делать? – Алик с сожалением посмотрел на пустую банку из-под чачи и любовно пнул Костика ногой в область печени.

– Ничего, – ответил я, – проспится. Сам уйдёт.

– Да я не о нём. Я об этом, – он показал мне пустую банку.

Azzillo.

...в поисках ключа от солнечной стороны Ай-Петри, построенной над морем дождём и ветром, они перелопатили три пляжа, две библиотеки, ящик пива и водки, обслоня-

вили телефонными звонками рыжую душу последнего поэта виноградно-целлофановой эпохи и, ничего не найдя, в расстроенных чувствах ушли в запой.

Похмелялись они матэ и солнечной музыкой Matia Bazar.

За спиной серого рассвета – он выдался дождливым – пытался спрятаться мой город. Но все его попытки оказывались тщетными. Музыка намокшего тротуара проникла в его переулки раньше, чем он успел засобираваться в дорогу. Города так же, как птицы, редко сидят на одном месте. И ещё реже думают о предстоящем пути. Они вообще не думают. Просто собираются и идут...

Я не знаю, как у других, а вот у меня с бодунища, если и получается думать, то только членом...

– А откуда у тебя этот диск появился? – спросил один, добавляя в тыкву с травой горячую воду.

– Мне его Наташа прислала, – ответил второй.

– Это какая?

– Та, что сейчас в Италии.

– С неприлично огромной грудью?

– Неприлично огромная грудь у тёти Кдары. А у Наты просто высокая и, скажу я тебе, очень красивая грудь, – ожидая, когда подойдёт трава в тыкве, он закурил.

– Ну, это как посмотреть...

– Да как ни смотри. Красивая грудь – она и в Италии красивая.

– Ты хотел сказать: в Африке?

– Хоть на северном полюсе! – он произвольно поёжил-ся. – Только там холодно и размеры не имеют никакого значения.

На матэ их посадили Борис с Ромой. Нет, до этого был, конечно, Кортасар, но он почему-то ничего не рассказал им о рецептуре приготовления парагвайского чая. А вот Рома, добрая душа, и Борис, генерал Солнца, поделились знаниями. И теперь матэ – фаворит употребляемых жидкостей. По крайней мере, на ближайший час. Пока не пробьёт восемь утра.

Можно не мучиться и пойти в магазин, что работает круглые сутки, но ночники предназначены для ночи, а при свете солнечного света (даже если он с трудом пробивается сквозь тучи) лучше тариться в магазине, открывающем свои гостеприимно-скрипучие двери в восемь утра. Себе дешевле будет.

Разобрав по слогам Наташу с неприлично красивой грудью и спойв кошку, хранительницу жилища, остатками матэ, они вышли под дождь.

Некто Ганг Кулебякин, для подтверждения своих атеистических заблуждений, в пьяном бреду зарезал Бога. Заблуждения стали мировоззрением.

В магазине сонный, плохо выбритый продавец отчаянно боролся с зевотой. Что-то должно произойти. Потому что так не может дольше продолжаться.

И ведь произошло же. Не успели они убить дилемму: по-

радовать истерзанную душу мускатом или ограничиться SV, в магазин вошла лошадь. Верхом на ней сидела обнажённая красивая женщина с окровавленным мечом в руке.

Три отвисших челюсти безмолвно говорили о том, что их обладатели не ожидали увидеть ничего подобного. Впрочем, отвисло только две челюсти. Третья корячилась в безудержном зевке. Похоже, продавец уже успел привыкнуть к подобным визитам.

– Что, опять в долг? – лениво подавляя очередной зевок, произнёс он и потянулся за бутылкой, стоявшей на солнечной стороне Ай-Петри (ключ они так и не нашли).

– Почему же? – ответила амазонка, – сегодня у меня для тебя кое-что имеется, – она достала из холщовой сумки, привязанной к седлу, голову Александра Македонского и брезгливо швырнула её на прилавок, – держи, извращенец.

– Ну, – промычал вмиг проснувшийся торговый работник, – это же совсем другое дело, – и стал расстегивать ширинку.

– Ты бы сначала рассчитался, – напомнила о себе воинствующая наездница.

– Бери что хочешь, – отмахнулся от неё тот и через рот стал насаживать омытую легендами голову великого полководца на свой член.

Но бардак этот продолжался недолго. Голая амазонка, затарившись водкой, ускакала по ту сторону дождя, а продавец, утолив свою историко-некрофильскую жажду, как ни

в чём не бывало, зевнул и вежливо поинтересовался:

– Чего молодые люди желают?

– А что это было? – вопрос был задан хором (если только хор способен состоять из двух голосов).

– Вы это о чём? – не понял продавец.

– Ну, как же? А лошадь? – недоумевал один.

– И баба на ней, – вторил ему второй, – голая и к тому же с ножиком.

– И позвольте поинтересоваться, – продолжал первый, – что это Вы там делали с головой?

– С чьей головой и где это там? – зевота стала нервной и, немного погуляв по лицу продавца, уступила место испугу.

Испуга на лице торговца они не заметили.

Этот диалог мог продолжаться бесконечно долго, если бы они, наконец-то, не поняли: продавец – это Зоя Космодемьянская, и пытаться его бесполезно. Проще провести его голышом через заснеженную тундру, а затем повесить. Поэтому, купив у него бутылку муската и литровую ёмкость SV, они ретировались из волшебной лавки и сквозь дождь направились домой. Похмеляться.

Матэ, конечно, хорош, но не идёт ни в какое сравнение с напитками, содержащими алкоголь. Они это поняли сразу после бутылки муската. Водка только подтвердила их наблюдения. Медленные молчаливые мысли, как-то сразу повеселев, стали похожи на солнечную татуировку тёти Кдары и никак не вязались с хмурым утром.

– Я задумал книгу написать, – сказал я, – уже и название придумал: «Синий роман».

– Хорошее название. Правильное, – одобрил Алик и осведомился, – и что?

– Как что? – оскорбился я, – напишу и продам. Стану богатым и популярным.

В ответ на это Алик, чтобы не сглазить, три раза постучал по металлическому боку холодильника, хотя рядом стоял деревянный стол. На мой удивлённый взгляд он заметил:

– Столько раз стучал по дереву. Не помогает. Может, по железу лучше. А о чём он?

– Кто?

– Твой роман.

– Ааа. Роман. Как всегда, ни о чём. Об одном парне. Он может слышать мысли людей, а свои – никак.

– Не повезло, – Алик плюхнул в стаканы водки и улыбнулся, – в отличие от нас.

Мы выпили, и я продолжил:

– Но стоит ему посмотреться в зеркало..., короче, он слышит своё отражение.

– Ты Павича начитался. Чувствуется, – вынес приговор Алик.

– Да, – подтвердил я его наблюдения, – как выясняется, Павич мне ближе, чем Кортасар. И не только географически.

– У латиносов кровь быстрее циркулирует.

– Да и культура православия существенно отличается от

католической.

– Это уж точно, – согласился со мной Алик, – особенно в футболе.

Сгущались сумерки. Выходя из ванной, Архимед открыл дверь и свою теорему. С сигаретой в зубах прогулялся нагишом по тёмной квартире. Включил свет. Везде. Прошёл на кухню. Чисто. Заварил себе контрабандного монгольского чая. Глубоко вдохнул-насладился его ароматом и осторожно, чтобы не обжечься, стал прихлёбывать из китайского фарфора. После чего направил стопы свои чистые в комнату, натянул на крепкое модное тело вечно молодые штаны от Пифагора и во всю глотку прослезился следующим откровением: «Эврика», – а про себя отметил:

Оказывается, хороший чай ничем не хуже водки. Наоборот, впрочем, тоже. В ванной его посещали гениальные мысли. Всегда.

– На берегах туманного альбиноса англоязыческие последователи Ричарда Львиное сердце...

– Чего-чего?

– А что?

– Не альбиноса, а Альбиона, и не англоязыческие, а англоязычные...

– Какая разница? – обиделся он, налил себе водки и выпил, чем вызвал зависть на грани отвращения всего прогрессивно непьющего населения моей головы.

После тридцатилетнего запоя – мои университеты – он

смог-таки раскрыть свой мозг. Воодушевлённый этим фактом, китайский тайкунавт Сунь Хунь В Чань стартовал через третий глаз из моей головы, вышел на её орбиту и, совершив вокруг оной шестнадцать витков, успешно приземлился в районе моей Внешней Монголии. Кошки запели в совершенной душе:

– Аззилло! Я нашёл его!

– Кого?

– Ни кого, а что. Вот он! Смотри, – предчувствие радости нежно, но уверенно сжимало в руке ключ от солнечной стороны Ай-Петри.

– Ну, и на кой хрен он нам теперь? Выкини его нахрен, – сказал Алик, налил мне водки, выпил и закусил тертым хреном.

Я не понимал его, но, чувствуя женской стороной своего тела, что он прав, повиновался. Аккуратно расковыряв в горизонте маленькую дырочку, просунул в неё ключ и разжал пальцы.

Звука падения я не услышал. В дверь постучали, и я пошёл открывать.

– Где он? – это была она. Только без лошади и в одежде. Одета женщина без лошади всегда более желанна, чем нагая. Одежда даёт простор воображению.

– На балконе, – я, снедаемый ревностью, провёл её в эпицентр синевы и показал на Алика, – вот он.

– Нет. Это не он, – и, чтобы прекратить не начавшиеся, но

вполне возможные возражения, она пояснила: – мне нужен аззилло.

– ???

– Это ключ, который вы искали. Вы ведь нашли его?

...в поисках ключа от солнечной стороны Ай-Петри, построенной над морем дождём и ветром, они перелопатили три пляжа, две библиотеки, семь рассветов и...

Небо.

Книга, что подарила Костику Ивана, научила его слышать себя. Как выяснилось, для этого достаточно было вместе с сараной встретить рассвет и, пока не проснулся одуванчик, послушать своё сердце. «Только мысли сердца от Бога», – было сказано в Синей магии.

– Перестань пить, – ультимативно сказала Ивана, после чего со вздохом добавила, – с рыбами.

– А чем тебе рыбы-то не угодили? – Костику не хотелось ругаться, но, если вдуматься, то рыбы здесь не причём.

Четверг ел среду обитания среды и, облизывая свои костлявые пальцы, не подозревал, что сам он будет съеден пятницей с таким же наслаждением, с каким он поглощал ни в чём неповинную среду.

В дверь дважды позвонили и, не дожидаясь, когда откро-

ют, вошли: две стерляди, три черноморских бычка и одна морская собака. С собой они принесли чекушку водки, два портвейна и пива. Это продолжалось каждый четверг на протяжении полутора лет. Квартира пропахла рыбой, как не пахло даже в рыбном магазине. И Ивана взорвалась.

Она одним умелым движением повесила бычков на бельевую веревку вялиться; стерлядь, предварительно накачав вином, чтобы была сочнее, аккуратно положила на сковородку, а собаку, больно ударив ложкой по голове, отправила на рыбное кладбище, по счастливой случайности, находящееся в пасти их кошки Москвы.

– Ну, что ты за человек? Говоришь, просишь, настаиваешь, угрожаешь... А ему, как о стену горохом, – миролюбиво говорила Ивана, подавая к столу две аппетитно зажаренные рыбины.

– А откуда ты взяла, что ещё живую стерлядь надо поить вином, перед тем, как положить её на сковородку? – Костик попытался уйти от её провокационного вопроса. Ему это удалось.

– Вычитала у Павича.

– А где?

– "Пейзаж, нарисованный чаем", – после чего, словно спохватившись, она вдруг вспомнила: – так ты ответь мне: почему ты такой непробиваемый?

– Потому что рыбы отучили меня от бесцельного брожения (это как бродит квас – ни вина, ни водки, даже браги

нормальной и то не получается) по лабиринтам рифмы.

– Ты что, пишешь стихи? – она была удивлена, потому что на поэта он, мягко выражаясь, похож не был.

– Писал.

– Прочти что-нибудь.

– Ты это серьёзно? – Костику польстила её заинтересованность.

– Да.

– Ну, что ж. Сама напросилась. Слушай:

"О! Чудных звуков начинанье.

Всё это было, как в бреду.

Сношаться, право, на рояле я не могу.

Я б мог попробовать, конечно,

Обвить твой дивный стан руками...

Рояль, как томная беспечность

С тремя ногами.

Была б четвёртая нога, мне было б легче...

Но, что хочу тебе сказать – любовь не вечность...

Во мху уж пятая конечность,

Но онанизм –

Практически не афоризм,

А лишь беспечность.

Поэтому в воспоминаньях,

Оставив зыбкий, терпкий след,

Рояль напомнит об изгнаньях

В поёбке массовых побед".

– И это всё? – спросила озадаченная его рифмоблудством Ивана.

– Всё, – как на духу признался Костик.

Кровь с рубашки никак не отстирывалась, и что Ивана не пыталась сделать, все её попытки превращались в пытку и оказывались тщетными. Наверное, придётся её выбросить. А жаль. Это была его любимая рубаха, да и ей она тоже нравилась. Ослепительно белая (в оригинале) вещь от какого-то крутого латиноамериканского кутюрье, имени которого, в силу того, что это был не французский, а латиноамериканский кутюрье, они никак не могли запомнить.

– Да и хрен с ней, – в сердцах, крикнул Костя, – Богу на неё теперь молиться, что ли?

– Может быть, попытаться ещё раз? – скорее для самоуспокоения, спросила Ивана.

– Проще купить новую.

Два с лишним года прошло с того момента, как он научился видеть сны и обходиться без телевизора. Два с лишним года с того момента, как красная волосатая кошка познакомилась их. Два с лишним года совместной жизни – не много, но и не мало. Некоторые через неделю после свадьбы разбегаются. А им за всё это время ни разу не пришлось пожалеть о том, что они вместе. Хоть и жили они во грехе. Но это достоинство или недостаток не помешали им понять, что они нужны друг другу. Нужны, как синяку необходим по-

следний столяр белой; как наркоману первый куб чёрного; как спортсмену побитие рекорда; как музыканту наличие того аккорда, что был бы понятен простым смертным и чтобы коллеги, восхищаясь, с уважением говорили: «Ну, ты дал, чувак. Как тебе это удалось?»

– Что у тебя было с Рединым? – прикрыв книгу, спросил Ивану Костя.

– Ничего особенного, – ответила я, а сама подумала: – Ты ревнуешь. Но кого к кому? Меня к нему, или друга ко мне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.